

18+ Александр Черенов

*ОДИНОЧКА В ТОЛПЕ «ЧАСОВ
ПИК», или Я ИДУ УБИВАТЬ*

Александр Черенов

Одиночка в толпе «часов пик», или Я иду убивать

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62884171
ISBN 9785005164704*

Аннотация

Эта книга – психологический детектив. Герой устраняет зло классическим способом: посредством устранения его носителей. Объекты его работы – современные «хозяева жизни» и их обслуживающий персонал (продажные чиновники, «их» полиция и т.д.). Они – препятствие на пути человека к человеческой жизни, и поэтому герой прибегает к крайним методам «перевоспитания». Избавиться от тех, кто каждый день избавляется от тысяч других – может, это единственно верный способ установить на Земле «царствие Божие»?!

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	28
Глава четвёртая	39
Глава пятая	50
Глава шестая	76
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Одиночка в толпе «часов пик», или Я иду убивать

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-0051-6470-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Если «шёл на дело» – то на правое,
Пусть порой и с «левой» стороны.
Неизвестный автор.*

Глава первая

Я – дурак, и это так. И так это не от избытка самокритики. И не для рифмы. И не оттого, что мозгов не хватает: их, увы – даже слишком. Поэтому дурак я – не безнадёжный: принципиальный. Имеющий принципы: что может быть хуже?! Чин «безнадёжного» даёт хотя бы надежду. На бытие, какое-ни-какое. А принципиальный дурак не только имеет принципы: он ещё и идёт на принцип, как «на ны». Он лезет на стену, он стучится в запертую дверь. Одним словом – в двух словах: «прёт буром». «Вызывает огонь на себя». Напрашивается на неприятности – и обретает просимое.

Всё это – я. И всё это – потому, что у меня неправильный взгляд на вещи. Чему нас учит жизнь насчёт правильного взгляда? Вот именно: правильный взгляд – это, когда не смотришь и не видишь! В точном соответствии с установкой «ничего не вижу». А, если ещё и «ничего не слышу, ничего не знаю, ничего никому не скажу» – так это и вовсе залог долголетия. Потому, что ты никого не тронешь – и тебя никто не тронет... может быть... если повезёт... тебе.

Но хотя бы есть шанс! А у дурака равнодушного и шанса нет: я ведь ещё и равнодушный дурак! Был бы равнодушный – не был бы дурак. А, если бы и был – то безвредный, никому не мешающий. Прежде всего – самому себе. Как итог: я обречён. Обречён на верность приоритету не лич-

ного здоровья, но общественного. И в какой форме: посредством ущерба для здоровья отдельных личностей! Если, конечно, этих ущербных – и без моего ущерба – можно считать личностями. И обречён я не только на верность, но и на служение. А это уже «обязывает и налагает». Одними декларациями от принципов не отделаться. Надо доказывать их – и себя – на практике. И практиковать надо не на манекенах, а на живых носителях зла. Такая, вот, беда приключилась со мной. И всё ещё приключается. А всего-то и нужно: пройти мимо! Хотя бы: не присосеживаться личными претензиями к общественным, пусть и не желая того!

Увы... Борьба за правое дело – посредством «хождения на дело» – тяжкий труд. Гуманно ли то, что я делаю? Ну, это – как посмотреть. Вот тут уже нужен угол зрения. В общепринятом смысле, гуманизм – это принцип мировоззрения, в основе которого лежит убеждение в безграничных возможностях человека к совершенствованию, требование свободы и защиты достоинства личности, идея о праве человека на счастье и о том, что удовлетворение его потребностей должно быть конечной целью общества. Текст – не мой: от какого-то словаря. Но мысли наши с бескорыстным, надеюсь, автором – в унисон.

Так, вот: если подойти к этому принципу под углом зрения «хозяев жизни», то гуманизм – это исключительное право новоявленных «пупов земли». Они не приемлют ни ограничений, ни даже призывов к умеренности в духе установ-

ки на «разумный эгоизм». «Моё – это моё, а твоё – это тоже моё!». Дело Хлодвига живёт и побеждает! Пусть даже побеждает здравый смысл и самую человечность.

Но есть и другая точка зрения: о приоритете общественных интересов над личными. В своём «творчестве» я скатился именно к ней. Неумышленно, конечно, по неосторожности. И не хотел: так получилось. Но – если объективно, вне моего «несчастливого случая»: она «имеет право на равные права» с конкуренткой. Больше того: сегодня права этой точки – преимущественные. Вольно или невольно, я и сам делаю их такими, отдавая преимущество им.

Как сладкий сон, я вижу обратную перспективу! Эх, рассматривать бы мне свою личность не через призму общества! Не связываться бы с ним даже посредством благодеяний, ибо у всех у них – один выход: «боком». И всегда – благодетелю. Лучше – так: «моё – это моё, а ваше – это ваше!». В смысле «ваших проблем». И не надо меня грузить вопросом о соотношении личности и общества! Согласен: даже «там, у йих», сегодня уже «наелись» былым приоритетом. Понимание того, что общественное превышает личного, теперь – всеобщее. То есть, личности надо потесниться. А, если она не хочет – то и потеснить. И даже притеснить. И это тоже – в русле всеобщего понимания, хотя бы и под ритуальные заклинания о правах человека.

Так, что мне есть, на кого и на что ссылаться. В том случае, если в этом возникнет необходимость. Я – не о суде че-

ловеческом и даже не о Суде Божьем: о суде души своей. Пока с этим делом – порядок: мы «с товарищем» достигли взаимопонимания. А, если я за что и осуждаю себя – то исключительно за отсутствие равнодушия. Спасительного и благотворного равнодушия. Эликсира жизни и гаранта душевного покоя.

Отсюда – и мой угол зрения на вопрос: нужно ли мне, личности, поступаться личным ради общества? И не только поступаться, но и заступаться за того, кто снабжает меня одними проблемами? Не проще ли включить защитный рефлекс: «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу»? И не связывался бы я, как личность, с обществом, кабы не другие «личности». К сожалению, я и сам – другая личность. Не среднестатистическая. Общественник по несчастью.

Только я не сам дошёл до жизни такой: довели. Довели «до ручки» – под белые ручки. Кто? Странный вопрос: «личности», конечно! Чем именно? Делами своими, начиная с лозунга «Больше социализма!» – и кончая лозунгом «Да здравствует капитализм!»! Только напрасно они рассчитывали встретить в моём лице агнца – хоть Божьего, хоть для заклания.

Говорю об этом не без сожаления, исходя чёрной завистью к «тварям дрожащим», ибо сам я – из тех, кто «право имею». «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести» – это не про меня. «Товарищи

господа» ошиблись адресом – а я ошибся реакцией. Потому что объяснил им, что «здесь вам – не тут». Доходчиво объяснил. Чтобы не только дошло до них, но и чтобы они «дошли» – с моей помощью. И уже не «до ручки»: сразу «до точки». До последней «точки». До финишной черты.

Извечный русский вопрос: «кто виноват?». Буду честен: оба – но каждый по-своему. Я виноват тем, чтоотреагировал. Они – тем, что спровоцировали реакцию. Они приватизировали моё право на достойную жизнь, а я пошёл ещё дальше: приватизировал их самих. Я приватизировал их тела и здешние жизни – а их душами и «жизнями тамошними» займуться, надеюсь, другие товарищи. И, надеюсь – не из ведомства Господа Нашего.

Конечно, в выборе объектов работы я не ограничился и не ограничиваюсь только «сильными мира сего» из вчерашних фарцовщиков. Благодаря их деятельности и самому факту их существования я не остался и долго ещё не останусь без работы и клиентуры. Потому что «порвалась связь времён». Новые времена беспрестанно «выдают на-гора» новый «продукт». Наглядный пример верности закона единства и борьбы противоположностей: не было бы счастья – да несчастье помогло. Понимать это можно – и нужно – двояко. В том числе, как счастье для других – и несчастье для меня. Несчастье для человека, обделённого равнодушием. «Продукт» новых времён и есть сфера приложения моих усилий. В духе нового времени – или, что вернее, безвременья, я –

приватизатор жизней. Избранных жизней «избранных». Они «избрали» себя – а я «избрал» их. Потому что они не оставили мне выбора. Именно мне – не Васе-Пете.

Почему это случилось и продолжает случаться? Если не восходить к временам, описанным Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», скажу так: «я не могу иначе». Можно – и во всех временных формах: «не смог, не могу, не смогу». Не сам не смог: «товарищи» пособили. Те самые, которые – «господа». Ну, а им пособили те, кто теперь соответствуют лозунгу «кто был никем – тот станет всем!» «в режиме обратной перемотки». Те, кто стал «ником».

Эти «никто» – зло не меньшее, чем те, «кто стали всем». Ведь они дают жить тем, «другим». И, ладно бы, «давали жизни»: дают жить! Одним фактом своего бытия дают! И не только жить, но и творить – исключительно в значении «натворить», «вытворять»! То есть, всё – по линии зла. Ибо сам акт существования тех, кто «стал всем», есть зло! Потому что живут они не только за счёт «дающих», но и за мой счёт! А ведь я не вызывался спонсором! Вот и выходит: «проделавшие обратный путь» – пособники зла и сами зло. А со злом надо бороться: это нам ещё народные сказки завещали. И не только русские – но и всех остальных народов мира. Вот я и борюсь – в меру сил и возможностей.

Я не сразу пришёл к выбору и «встал на путь». Долгое время я «отсутствовал в наличии»: делал вид, что «покурить

вышел». В точном соответствии с законом естественного отбора: «не высовывайся из норы!»

«Не будь замечен – и тебя не заметят!» А там, глядишь, и отбудешь как-нибудь «свой номер». Тот самый – «шестнадцатый». Главное – всегда оказываться в нужном месте и в нужное время. То есть, нигде и никогда. «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю, ничего никому не скажу». Незнание – сила, мимикрия – дар! А, если ещё обладать мозгами, шансы на бытие увеличиваются многократно. И неважно, что это – бытие таракана запечного. «Jedem – das seine!»: «Каждому – своё!». «С сильным не борись, с богатым не судись!» – гласит народная мудрость. Гласит потому, что на себе испробовала.

Но я не собирался ни судиться, ни бороться. Я даже не собирался ни с кем связываться. И я не хотел становиться «на путь»: меня вытолкнули на него. Не жизнь: проявления её новоявленных хозяев! Они – проявления вместе с хозяевами – совершили две ошибки. Первая: они вытолкнули меня. Вытолкнули человека равнодушного. Того, который по природе своей не может «почитать господ своих достойными всякой чести»! Вторая: они «ошиблись адресом», полагая, что наставили меня на путь истинный: на путь «раба, под игом находящегося». Они и представить не могли, что «мы пойдём другим путём»!

В итоге, вынужденный к рассуждению, я рассудил так: «Если большевики экспроприировали экспроприаторов, то

почему не оттолкнуться от их примера, и не оптимизировать оптимизаторов?! Разве защита себя не есть первая обязанность человека? Разве противление злу не есть добро? Так зачем усложнять решение проблемы?! Ведь кратчайшее расстояние между двумя точками есть прямая! Отсюда: к добру тоже надо стремиться наикратчайшим путём: через устранение зла... посредством устранения его носителей! Даром, что ли, говорится, что всё гениальное – просто!»

Став «простым гением», я «оттолкнулся» – и вот теперь произвожу «зачистку рядов». После такого «запева» у кого из порядочных людей повернётся язык назвать меня серийным убийцей? Ни у кого не повернётся! А, если у кого-то и повернётся, тот этот «кто-то» – сам непорядочный! Потому что я – не серийный убийца. И не маньяк. Заодно – и не мститель, не «чистильщик», и не революционер. Это же – элементарно: зря я, что ли, надрывался с прологом?! Я – такой, потому что «достали». Лично меня! «Не вынесла душа поэта». Ну, где-то «моё», конечно, совпало с «нашим». Объективно: благо всех – выше блага отдельных... «хозяев жизни».

Увы: не всегда удаётся «придерживаться линии». По линии реагирования на внешние раздражители. На вызовы себе лично. Виной тому – обострённое чувство справедливости. Несправедливо ведь, когда живут и благоденствуют несправедливые! Всегда – за чужой счёт, даже если расчётные и прочие счета – их собственные. Поэтому я – «немножко Дубровский» и «немножко Робин Гуд». Только, в отличие

от них, я – сам по себе. Без флагов и лозунгов. Без «вспомогательного» ресурса «в лице группы товарищей». Без нужды в паблисити. Такой, вот: один в поле воин. «Волк-одиночка» – но не «санитар природы». Я не «подписывался» и не нанимался. И я не запрограммирован на улучшение породы. Ну, вот, не ставлю я глобальных целей – ни перед собой, ни перед массой, ни перед объектами работы. Я не размахиваю флагом, не лезу на трибуну и не рвусь к микрофону. Я никого не призываю и не поднимаю в духе «Вставай, страна огромная!». И действую я не «от имени и по поручению» – пусть и во благо тех, без чьих полномочий я вполне обхожусь.

А всё – потому, что я – не... (перечень см. выше). Ну, вот, нет у меня такой нужды – и нет таких генов. И такой я – не от природы: от жизни такой. Прежде – в прежней жизни – я таким не был. Потому что прежде не было такой жизни. В прошлой жизни я «был никем», кто «станет всем». В этой – проделал «обратный путь». «Совершил маневр в другую сторону». Не своей волей, конечно. Только волеизъявление – палка о двух концах. Сам того не ведая и не желая того, его источник этой же волей переориентировал меня «на другую систему ценностей». Ту, в которой самой большой является жизнь человека. Конкретного человека. С одним только «но»: в плане её отъёма у него. Исключительно в целях сохранения жизней всех остальных.

Я уже слышу вопрос: «По какому праву?! Кто тебе его

дал?!» Вопрос был бы законным, если бы не беззаконие, позвавшее меня на трудовую вахту. Беззаконие новых «хозяев», пусть даже и возведённое в степень закона. Именно оно породило моё беззаконие – по закону следствия и причины. Как аукнется – так и откликнется! Но моё беззаконие – это всего лишь естественная реакция на узаконенное беззаконие. Под такой набор я имел законное право заявить о своих правах на права! И я их заявил.

Как заявил? Да, очень просто: сам взял! По примеру киношного Абдуллы, которому Аллах сказал: «Если ты сильный и храбрый – пойдя и возьми сам!». Ничего не скажу за силу и храбрость – но я «пошёл и взял»! Так, что, никто мне ничего не давал, потому что я и «не выходил с ходатайством»! «В борьбе обретёшь ты право своё!» – «постановили» эсеры. Я лишь усовершенствовал лозунг – и обрёл право ещё до борьбы. Впрок – чтобы потом не отвлекаться.

Что же – до вопроса насчёт права... Ну, того, которого «по какому». Так, ведь: «тварь ли я дрожащая – или право имею?!» Да и суд мой – честный, быстрый, доступный по форме. Без продажных судей, адвокатов, чиновников. Я работаю точно и точно, быстро и безжалостно. Как хирург. Да я и есть хирург: удаляю злокачественные опухоли... из жизни и общества.

Почему так случилось? Нет, даже не так: почему я такой случился? Наверно, потому, что без дураков скучно было бы жить. Без дураков с принципами, разумеется. Мы, та-

кие, мешаем устояться тому, чему не должно устояться. Это не приносит нам дивидендов – но это наша судьба. Как тот горб – у верблюда. Я ведь уже говорил: «я не могу иначе». Смог бы – было бы иначе: элементарно!

Да, и потом: «кто, если не я?!» Нет, я не лезу на пьедестал с развёрнутой грудью. Это – к теме высокопарности. Увы, всё – гораздо проще: если не я – то никто. Никто не рвётся в радители справедливости. По крайней мере, никто не радует о ней на деле. То есть, делами. Конкретными делами. Благие намерения – не в счёт: что ими выстелено, известно давно.

Я не питаю благих намерений, и не подвожу под свои действия научной базы. Я просто действую. Я воздаю по заслугам, не дожидаясь Суда гипотетически Более Высокой Инстанции. Потому что – дожись её: всюду – проволочки и формализм!

Вместо этой бодяги, которая даже не гарантирована, я уже сегодня спокойно, по-деловому «зачищаю объект». «Зачищаю» не по договору, а по велению сердца: «я не могу иначе». У меня нет плановых заданий, но у меня есть план. Нет, не план по валу и не «мечта-идея», как сказал один товарищ. Я не строю коммунизм в отдельно взятом дворе. Таких планов у меня нет. Мой план прост: «выхожу один я на дорогу». Но выхожу не с бухты-баракты – по плану.

А по плану у меня – «ни дня без подвига». «Громыхаю»? Ладно, «снизим планку»: «ни дня без добрых дел». Конеч-

но, и по поводу «ни дня» – тоже небольшой перехлест. Эмоциональный. Доброе дело – не обязаловка. А то чего стоят мои слова об отсутствии плановых заданий?! Доброе дело – это, пардон за высокий штиль, полёт души! Это – порыв! Ну, помните: «души прекрасные порывы», которые надо «посвятить» этой... как её... Отчизне.

Вот и мой порыв – из той же «авоськи». Я, конечно, специально не «посвящаю», но думаю, что они – мои порывы – на пользу и во благо. Кому? Отчизне, разумеется! Ведь, если я не ищу личных выгод – значит, их получателем является другой! И, если я оптимизирую «негодяя общественного значения», то «получателем дивидендов» может быть только общество! Я, хоть и не «санитар природы по определению» – но тоже saniрую! Тоже оздоравливаю! Способствую, даже не ставя перед собой такой цели! Как не революционер и «немножко Дон-Кихот», я всего лишь – равнодушный человек. Но всем бы – такое равнодушие! Как бы мы зажили – путь и меньшие числом, но большие качеством!

Но, увы: мы, такие – живые ископаемые. А я – так вообще один. Один в этом муравейнике. Один в толпе «часов пик». Романтична лишь форма – не содержание. И в мире, полном людей, можно быть не просто штучным: одиноким. Но я – не «одинокый монах, бредущий в дождь под дырявым зонтом». Конфуцию я предпочитаю Ибн-Сину:

«Я один, но неверным меня не считайте,
Ибо истинной веры я первый пример».

Это – куда оптимистичней и ближе к образу. Я, такой – один, но разве я один, такой?! Иисус, Магомет, Будда, Люцифер – все мы родня... по линии одиночества! А ещё все мы – коллеги, хоть и разного призыва, но одного призвания! Наше амплуа: работа с коллективом. «Всё – во имя человека, всё – во благо человека!». Каждый из нас нашёл себя в работе с другими! Все мы боремся и воплощаем. Боремся за счастье человечества, воплощаем в жизнь идеалы. Каждый – по своему. Я, например – по линии оптимизации негодяев и их питательной среды.

Вот, и получается: мал золотник, да дорог! Нескромно, но это я – о себе. О том, кто мал числом, но велик трудами. Хотя трудов – делать, не переделывать! Ибо мои труды – производные от трудов демократии. Она сделала своё чёрное дело: отняла у массы последние мозги, и без того не избыточные массой. За отсутствием мозгов «пипл» зажил брюхом. Мне он не помощник. Больше того: иногда он сам – объект работы. Потому что с отсутствующими мозгами – «на другой стороне». И не важно, что он этого не понимает. Для меня не важно. Я – не просветитель: я – «терминатор». «Финишёр» человеческих экземпляров. И если «пипл» стоит на пути моих представлений о добре и зле, я устраняю препятствие. Для меня он и его антипод: «сильные мира сего» – две стороны одной медали, имя которой «Зло».

Ещё чуть-чуть «надорву тельняшку»: равнодушие во мне оттого, что я – не демократ. «Демократия» хороша

только в книжке – и только как понятие. В жизни она оторвана от корней, и существует отдельно, сама по себе. Как абстракция, ставшая на практике своей противоположностью. Как антипод заявленному реноме. Вот, говорят: «демократическое государство». Как это может быть, если демократия – власть народа, а государство – аппарат для подавления большинства в интересах меньшинства?! Получается: власть народа – как власть над народом! Оригинально – но только формата «чёрное белое»!

А ведь народ – это не те, кто сверху! Не те, кто «над»! Народ – это я! И он! И они! Значит, и власть – мы: я, он, они! Точнее – ветви власти! Мы – ветви власти, а не продажные депутаты, чинуши и бандиты в милицейской форме! А, если и они – «ветви», то другой власти. Не народной: «демократической». Сухие ветви. А сухие ветви безжалостно обрезают – это вам скажет любой садовник!

Полагаю, что для первого раза я достаточно осветил себя, хотя и не люблю «светиться». Ведь для «работника ножа и топора» день – ночь. Но «для закрепления пройденного» – ещё раз: я – не «санитар» и не мститель. Я просто не могу сдержаться. Не могу пройти мимо. Вот и сейчас я вышел «не смочь» и «не пройти мимо»...

Глава вторая

...Я вижу его из окна своей квартиры. Его – это нагло-го хозяина нагло-го «лексуса». Авто делит надвое пешеходную дорожку. Их с хозяином не смущают мамы с колясками, старушки с клюками и дети с собачками. Нет, его, может, и смутило бы – да хозяин не позволяет. Вот его ничего не смущает: он – хозяин жизни. Как минимум, заявляет себя таким. Я вижу его не первый день – и не первый день он разгоняет своим «автомонстром» пешеходов – «нарушителей ПДД на пешеходных дорожках». Несколько человек, пытавшихся заступиться за статус пешеходной дорожки, получили немедленный отлуп: были отлуплены.

Таким образом, вопрос перевоспитания уже не стоит – ни передо мной, ни перед «объектом работы». Это уже не поддаётся лечению терапевтическими средствами: здесь нужна «хирургия». Радикальная «хирургия». Своими бесчестными делами «этот» честно заслужил чин «клиента». А, «значит, нам – туда дорога!», как сказал один товарищ.

Я спокойно одеваюсь и выхожу из дома. До встречи мне осталась пара минут, не больше. Ему – тоже. Но, в отличие от меня – не только до встречи: всего. До «двенадцатого удара».

– Здравствуйте.

Я предельно вежлив. Меня не смущает даже то, что я удо-

стаиваюсь лишь четверти полноценного взгляда. Текста, разумеется, и ждать не следует: не дождусь. Я, если и дождусь – то не того, на который рассчитывает среднестатистический гражданин в ответ на своё приветствие.

– Скажите, пожалуйста, Вы разве не видели знак «Проезд запрещён»?

Парадокс – но перед «въездом» на пешеходную дорожку действительно повесили «кирпич»! Как будто и без того неясно, что пешеходная дорожка – это не продолжение шоссе! Что по ней ходят пешеходы, а не автомобили! Как минимум, должны ходить!

«Хозяин жизни» слегка меняется в лице. Но исключительно для того, чтобы следующим в очереди на перемену был я.

– Что ты сказал?!

От «вельможного «ты» меня не спасают даже очки в золотой оправе с фиолетовыми стёклами. Хозяин – и джипа, и жизни – приоткрывает дверцу. Он явно намерен преподать мне «урок жизни». Не исключено, что – последний в ней. В жизни, то есть. Комплекция позволяет ему не только надеяться, но и рассчитывать на это: мужик на голову выше меня и на полкуба толще.

Но он ошибается – как в намерениях, так и в расчётах. Исключительно в своих. Потому что «дача урока» – это моя роль. Пусть даже после этого урока жизнь ему уже не потребуется. Он, конечно, не против ещё пожить – но я уже оп-

понирую его желанию. Не «от имени и по поручению»: «ради жизни на Земле!». Меня не смущает установка на отъём жизни ради жизни. Потому что лучше он уже не станет. Потому что лучше станет уже всем нам – без него. И хотя я действую от себя и за себя, я уверен, что моё субъективное желание совпадает с объективными потребностями общества. А, значит, я не преступаю: радею!

– Ну, ты...

Я тут же узнаю «всё о себе». Узнаю посредством «дайджеста» с использованием местных идиоматических выражений. На второе явно «подаются» кулаки, «оборудованные» монтировкой. «Товарищ» всё уже понял – и решил «срочно исправиться». Средством «исправления меня».

Я разжимаю ладонь. Быстро разжимаю: становиться в позу героя нет времени. Глаз «хозяина» съезжает на то, что у меня – в руке. В следующее мгновение его мордастая физиономия расплывается в улыбке. Ему смешно: у меня в руке – маленький складной нож. Это против его-то монтировки и морды, которой убоится и монтировка?!

Он быстро замахивается на меня – и не для того, чтобы поугаать. Не для того, чтобы отогнать меня, как назойливую муху: парень явно предпочитает словам дело. Такое дело, которое он привык доводить до конца. До конца таких, как я. Поэтому «мухе» суждено быть не отогнанной, а прихлопнутой.

Но он опять допускает ошибку. Уже вторую за столь ко-

роткое время. Я не так незащищён, как ему хотелось бы. И ещё я не собираюсь исполнять отведённую мне роль: либо удариться в бега, либо удариться о бордюр после нанесённого мне удара. И в дискуссию я вступать не собираюсь: вечная ошибка нашего брата-интеллигента.

Вместо этого я нажимаю одну маленькую кнопочку – и из маленькой ручки маленького, якобы складного ножичка, как молния, вылетает маленькое, всего несколько сантиметров, лезвие. Именно так: вылетает, как пуля из ствола пистолета. И поскольку я целюсь в глаз «хозяину», то «значит, нам – туда дорога»!

Обмен ролями произведён: мой несостоявшийся «убийца» состоялся как жертва. «Получив в глаз», он возвращается на место водителя. Но уже – спиной и поперёк. И в оптимизированном виде: одного глаза у него точно нет. Маленькое лезвие бьёт со страшной силой. Их обоих – и лезвия, и его силы – хватает на то, чтобы отработать не только глаз, но и мозг. «Вид сзади» мне недоступен – но я не сомневаюсь в том, что несколько миллиметров лезвия «оживляют пейзаж». И я не догадываюсь, а знаю: испытывал на металлических и деревянных предметах. Так сказать, «проводил испытания на стенде».

Но второй глаз успевает даже удивиться. Это замечание – не к вопросу патологии: всего лишь «протокол осмотра места происшествия». На какой-то момент я даже задумываюсь над тем, а не поспешил ли я

с выводами. Ну, в плане «окончательного решения вопроса». Ведь человек, способный удивляться – ещё не конченный человек! Но уже в следующий момент мы с сомнениями оставляем друг друга. Во-первых, удивление визави – специфическое: лишь тому, что он оказался на моём месте. Ведь это я должен был сейчас оживлять – или омертвлять – пейзаж своим «присутствием-отсутствием». Во-вторых, ещё не конченный человек был уже... конченным человеком. Точнее: приконченным. Лично мной. Да и как человек он кончился задолго до своего конца. А, может – и вовсе не начинался. А раз так – то так тому и быть! В смысле: не быть. Ему. А, если и быть – то лишь бывшим!

Я оглядываюсь. Не по-шпионски – не до кино. Я заметно нервничаю. Не оттого, что совершил акт оптимизации: ситуация и не притязает на статус «и мальчики кровавые в глазах». Нервничаю я по другой причине: наша улочка – совсем не тихая. Потому что не улочка, а центральная улица. Но мне везёт: как по заказу, улица отрабатывает улочкой. По линии живых душ: ни одной в поле зрения. Надеюсь, что и я – «вне поля». Это ненадолго – но мне хватит, чтобы «выйти из боя без потерь». Везёт. Хотя, почему это «везёт»? Почему обязательно должно быть наоборот? Ведь «наоборот» – и так мой ежедневный «модус вивенди».

На всякий случай я кошу глазами. Вкруговую и во все стороны. Никого. Наверно, бывает и так – потому, что есть. Но, «однако» – пора: шанс «засветиться» готов предоставить се-

бя в любой момент. И – не в моё распоряжение. Поэтому я недолго думаю. Уже в момент отхода меня навещает мысль: а не дать ли знать? Не нарисовать ли кровью «жертвы нападения неизвестных» знак «кирпич» на лобовом стекле? Ну, чтобы поняли – и задумались?

Но в следующий момент на эту мысль «наезжает» другая: а что, если они поймут больше того, чем мне хотелось бы? То есть, возьмут – и догадаются о том, что это – дело рук местного товарища? Простая логика: какое дело «транзитному пассажиру» до «чужого негодяя» и его «негодяйства»? На «транзитника» есть свои негодяи! Значит, «не вынесла душа поэта... по месту жительства его»?! Вот, и получится: вместо того, чтобы обуять страхом потенциальных нарушителей, я обуяю им себя, дав след «товарищам из областного управления»! Конечно, очень хочется вразумить их – но лучше, всё же, вразумить себя.

И я так и делаю: немедленно, хоть и медленно, обращаюсь в прохожего. Одно дело сделано – и теперь мне предстоит заняться другим: осмыслить содеянное. Нет, лучше, так: «сделанное»! И есть, что осмыслить: первое дело. Не хочу вспоминать солдата, который оплакивает свою первую жертву – но даже солдат не может остаться равнодушным! Даже солдат, которому «по штату положено»! Что уже говорить за нас, гражданских?

Я иду домой и предаюсь размышлениям. Нет, я не «возлагаю венки на могилку». «Безвременно павший» пал даже

не вовремя, а с явным опозданием. По заслугам ему давно бы уже прорасти червями: какая-никакая польза. Поэтому мысли мои – «на другую сторону»: «что делать?». Не в смысле «бежать – или остаться?». Напротив: вопрос – глобальный. Как у Чернышевского в романе. Я сделал первый шаг – нужно ли делать следующий? Ведь первый шаг был из категории «души прекрасные порывы». Переходить ли мне в другую категорию – вот вопрос! Ставить ли работу с клиентом на поток – или ограничиться тем, что называется «по ситуации»? А, может, ограничиться уже сделанным добром?

Для начала следует разобраться с ощущениями. Что они такое: удовлетворение? Страх? Упадок? Душевный подъём? Пожалуй – всего понемногу. Но «коренной» – подъём: остальные – «пристяжные». Мне хорошо. И не оттого, что пока не поймали: оттого, что одним негодяем стало меньше. Оттого, что я сделал доброе дело. Я не знаю реквизитов нарушителя ПДД, но знаю, что он заслужил свою участь. Участь моего клиента.

Проходит минут десять – и вот, первый прохожий. Теперь можно: я уже «отошёл на заранее подготовленные рубежи». «Первый» ведёт себя «в соответствии с инструкцией»: «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю, ничего никому не скажу». Он боязливо косит глазами на «натюрморт», оглядывается по сторонам – и «даёт ходу»! Правильно делает. Всё правильно: и косит, и оглядывается, и даёт. Потому что, не дай, Бог, заметят... что он заметил. Ведь потом

«вовлекут и охватят». «Вовлекут» посредством волочения, а «охватят» со всех сторон. И не только руками. «На безрыбье» у нас очень даже просто из понятых угодить в свидетели, чтобы транзитом оттуда – в подозреваемые и обвиняемые.

Но дураков не сеют и не жнут. На десять умных всегда найдётся один д... «другой». Находится и сейчас. Этот «одиннадцатый» – ну, десять умных плюс он – лезет в машину, на американский манер тычет пальцами в сонную артерию клиента, и поднимает тревогу. Проще говоря: хай. Сбегаются несколько человек (значительно больше разбегается – и во все стороны). Группа из трёх дураков – все умные уже рассредоточились – домогается полиции, и ей это удаётся. Насколько я разбираюсь в мимике, полиция фиксирует лишь то, что ей нечего зафиксировать. Кроме «тела в ассортименте». Дураков «вовлекают и охватывают», но по глупости они этого ещё не понимают. Понимание к ним придёт чуть позже – вместе с «группой товарищей» с подручными средствами. Уже там – «в отделе».

А сейчас их переполняет чувство гордости от сознания исполненного долга. Вскоре их переполняют другие чувства – и, как минимум, двое из этих общественников уже никогда не поддадутся «зову сердца». Избыток чувств восполнит недостаток мозгов – и все вместе они произведут на свет мысль: «Не лезь, куда не просят! А и просят – не лезь!»

В этот день я больше не вижу постоянных «гаражевла-

дельцев» на нашей пешеходной дорожке. Возможно, их отвращает свежее пятно на асфальте. Даже не одно пятно, а несколько: клиент протёк всеми отверстиями, как естественными, так и дополнительно устроенными мной.

Только один человек сиротливо выписывает круги на месте происшествия: следователь. Судя по тому, что он один, я делаю единственно правильный вывод: товарища бросили. «Под танк». А это значит, что дело уже признано не имеющим перспективы – и товарищ просто «работает на объём»: собирает макулатуру. А уже это значит, что я могу совершенно успокоиться, и даже раньше следователя списать дело в архив. В архив своей памяти.

Но это не отменяет мыслей по Чернышевскому: «Что делать?». Ограничиться локальным успехом – или ступить на скользкую дорожку борьбы за справедливость? Ступая на неё, я должен отдавать себе отчёт в том, что работать мне придётся, как разведчику в тылу врага: кругом – только чужие. И каждый следующий мой шаг может стать последним. А ведь «всех не перестреляешь»! Эта публика растёт, как грибы-поганки: не надо и культивировать. Может, не стоит обременять себя плановыми заданиями, тем паче, взятием повышенных обязательств? Не лучше ли ограничиться работой «по ситуации», когда уже не будет ни терпезу, ни другого выхода, кроме выхода на дело и на клиента? Я ведь – не «сознательный борец за дело революции»: я – просто неравнодушный...

Глава третья

Я щёлкаю кнопкой ножа. Нет, я ещё не «на работе». Я всего лишь осматриваю оружие... И ещё раз «нет»: не преступления, а возмездия. И это – не вопрос терминологии. Это – принципиальное отличие. И осматриваю я не для того, чтобы попрощаться с ним. Надо быть последним дураком: это – не нож, а произведение искусства! Штучная работа. Как говорят в местах «не столь отдалённых» (попросту – далёких): «Перший сорт!». И, если, уж, не в моём кармане, то ему место – в музее! И не в музее истории МВД, а в Оружейной палате!

Достался он мне по случаю. Достался ещё до того, как меня окончательно «достали». Привёз я его из армии, из суровых мест, что «на самом краю Земли». Кстати – очень удобно: ищи концы... на краю! Как случился этот случай? Элементарно: если Шуре Балаганову довелось сидеть в ДОПРе вместе с источником информации о миллионах Корейко, то мне довелось лежать в госпитале вместе с одним доходягой, ни имени, ни лица которого я не помню. И не «уже» – а «сразу же, как только». Как только я вышел за ворота учреждения: «с глаз долой – из сердца вон». Тоже – очень удобно: как вспомнить то, чего и запомнить не успел?! Я и сам всегда стараюсь «так же глубоко западать в душу»: обоюдная короткая память – залог обоюдного долголетия.

Чем, уж, я приглянулся товарищу – не знаю. Но точно приглянулся. В солдатском госпитале скучно. Когда ни водки, ни карт, ни женщин, время коротается исключительно за разговорами. А я был мастер поговорить! Ещё, какой мастер! Я мог разговорить и «дипломированного молчуна». А этого доходягу и разговаривать не надо было: сам напрашивался. Возможно потому, что недолго ему осталось. Как информировал меня коллектив, товарищ вовсю готовился встретить «тётеньку в белом». И не только вовсю — во всеоружии.

Вот так в одном из наших разговоров, не помню уже, иллюстрацией к чему, и появился этот нож. Нож был сработан умельцем-папой, который заодно числился рецидивистом. Конструкция была по-русски простой и эффективной. Главное, аппарат не давал сбою: проверили «на стенде». А вот спуск он давал отменно – чтобы уже не дать спуска никому. Не помню, как и почему, но я стал обладателем этого сувенира, который вовсе и не сувенир. Но я точно помню, что насилия при обретении прав я к товарищу не применял. Скорее всего, произошёл обоюдовыгодный обмен: моего доброго участия – на часть его добра.

Вскоре я убыл из госпиталя «согласно предписанию». Вместе с подарком убыл. Перед убытием я, как порядочный человек, зашёл попрощаться – и «попрощался»: товарищ намедни приказал всем нам долго жить. Не скажу, чтобы меня слишком огорчило это известие. Скажу больше: оно ме-

ня совсем не огорчило. Ведь парень отдал концы не только в землю, но и «в воду». Грех так говорить, но очень верное решение. Теперь – ищи-свищи! Всех сразу: его, меня, нашу связь, нож, изготовителя! А, если так, то ничего не было: ни меня – в связи с ним, ни его – в связи со мной! Не было и всего остального «согласно описи»! Я был свободен на все четыре стороны: ни в одной из них на мне не было «наколки»! А «аппарат» – это его духовное завещание нам всем – в моём лице!..

Я любовно поглаживаю устройство. Я испытываю к нему невыразимую симпатию. Нет, я, конечно, могу выразить – и даже «выразиться» – но по заслугам не воздам. Эта вещица даёт мне то, чего у меня никогда не было: уверенность в себе. Я ощутил её, ещё не видя устройства в деле. Для ощущений мне хватило и того, что я увидел «на стенде». Мне оставалось лишь посочувствовать стенду и тому, кто в будущем окажется на его месте. Ну, это так говорится: «посочувствовать». Мой клиент сочувствия не заслуживает. Он заслуживает лишь то, что получит. Уже получает.

Я проверяю боекомплект. Аппарат рассчитан на пять «выстрелов». «Благодетель» даровал мне устройство с полным боекомплектом и ещё обоймой впридачу. К сожалению, у этого устройства – такой же недостаток, как и у огнестрельного оружия: поражающее средство остаётся в объекте поражения. И, как и пулю, я не могу извлечь лезвие из клиента. А всё – потому, что устройство сработано на совесть. Систе-

ма передачи усилия и пружина настолько эффективны, что лезвие пробивает грудь человека насквозь! Если бы у него было оперение, то мне пришлось бы хвататься за него, как за хвост жар-птицы! То есть: поди – поймай! Не выковыривать же его, в самом деле – тем более, на месте работы, когда дорога каждая секунда! При всём своём политическом мужестве, я неукоснительно следую девизу одного товарища, который сказал: «В нашем деле главное – вовремя смыться!»

Я так и вижу кривые ухмылки на лицах: так не бывает! Но господа критики плохо знают историю. И не только историю оружия, но и просто историю. Если я не ошибаюсь, фараон Аменхотеп Второй, сын Тутмоса Третьего, с расстояния в сто шагов из простого лука, простой стрелой с медным наконечником пробивал кованую медную пластину в три пальца толщиной! И не так, как это делал папа, который всего лишь «пробивался» наконечником на три пальца. Стрела, пущенная сыном, проходила насквозь и падала! А ведь я работаю с более совершенным устройством и не с расстояния в сто шагов!

Так как «стрелы» мои – расходный материал, передо мной сразу же встала задача: восполнить расход. И я пошёл по ключникам и базарам. Я мог, конечно, обратиться к знакомым слесарям – и мне бы не отказали. Но к ним могла обратиться и полиция – и им бы тоже не отказали. На этот раз – насчёт меня. Почему так мрачно? Ну, хотя бы потому, что при всей недееспособности современной полиции не стоит

её совсем, уж, смешивать с дерьмом. Пусть даже она и есть оно. Для того чтобы додуматься до мысли установить изготовителя, не нужно оканчивать юрфак. Я мог быть спокоен за само устройство и «головной» боекомплект – но «местное пополнение» могло дать след ко мне. Как минимум, телевизор сегодняшние полицейские смотрят. А в нём показывают, что можно выяснить из характера сплава и способа изготовления.

Поэтому я и сделал выбор в пользу кустарей: ни я – их, ни они – меня. Тем более что к авансу я прилагал только параметры лезвия. Да и кустарей я выбрал иногородних: навесил соседние области. То есть, сделал всё, чтобы осложнить жизнь нашим, далеко не семи пядей, сыскарям. Потому что бережёного Бог бережёт. Вот так и я пополнился «боеприпасами».

Всё было бы хорошо, если бы не унификация метода. В моём деле унификация – это нехорошо. Даже, если я хорошо сработаю. А всё – потому, что сужается круг поиска. Меня, значит. Мелочь – а, гляди ты: сужает! Значит, нужен дублирующий вариант. И этот вариант мне надлежало выбрать самому. Сделать, то есть. Но спасибо «благодетелю» за то, что избавил меня от мук творчества. И я решительно встал на путь плагиата.

Встал я на него, усевшись за стол. За тот самый, за которым я и разобрал свой «карманный арбалет» на структурные элементы. Пришлось записывать последовательность опера-

ций: я не хотел, чтобы после обратной сборки у меня остались «лишние» детали. Почти ничего не меняя, я «переложил» схему на ещё более компактное устройство: пишущую ручку. Наше нехорошее время хорошо тем, что ручек сейчас – на любой вкус. И ни одна из них, как бы идиотски она ни выглядела, не вызывает не то, что подозрений: любопытства.

Мой «вкус» требовал обязательно толстой ручки – я и исполнил его требование. Вряд ли нужно объяснять, почему толстую: Кулибин из меня – ... не Кулибин, и поэтому воспроизвести спусковой механизм «один в один» с оригиналом у меня не получилось. Потому что и не могло получиться.

Ну, да я ведь – не первый такой. Вон, даже наши ракетчики не могут воспроизвести «один в один» «американские трофеи»: всё время на выходе – лишние тонны и лишние метры. Так, что, я не только не спешу обсыпаться пеплом, но даже готов уступить его более «достойным товарищам». Весь – без остатка.

Но, как бы там ни было – а «катапульти» в ручку я не только загрузил, но и сделал работающей. При этом я «мимоходом», всё-таки, стал «немножко Кулибиным». Не от большого ума: от необходимости. Мне пришлось кое-что поменять в устройстве. Я ведь собирался использовать в ручке не ножи, а иглы. И не для того, чтобы пробивать ими корпуса. Под это дело я уже запасся «боевыми отравляющими веществами». Как запасся? Маленькая предыстория: когда я пы-

тался стать бизнесменом, за что я только ни брался! Какие только товары не прошли через мои руки! Точнее – сквозь них. Потому, что, в основном – всё мимо. Мимо меня. Всё утекало, как вода – вместе с деньгами. Но кое-что, всё же, «прилипло». В числе этого «кое-чего» оказались «неликвиды» химического и органического происхождения: одно время на рынке «неофициальных услуг» на них был немалый спрос.

Откуда взялись «неликвиды»? Тоже, мне, вопрос: оттого, что ликвидировали всю «цепочку», от поставщика до получателя. А я был – «сбоку бантик», та самая «пятая нога», которая не нужна даже зайцу, не говоря уже о доблестных сыскарях. Поэтому я и остался в стороне – вместе с доверенным мне и так и не востребованным грузом. Товарищи мои как канули в небытие – так и не вернулись из него. Я сперва хотел мужественно избавиться от улик. Но шли дни – а за ними никто не шёл. И за мной – тоже. И тогда я решил: пусть лежат. Каши они не просят – а, глядишь, когда-нибудь и пригодятся! И, вот, кажется, такое время настало.

Да, такое коммерческое прошлое не красит «идейного борца». И меня бы не красило, будь я «идейным борцом». Но я – не «идейный» и даже не «борец»: см. выше! А ещё за меня – горой целых четыре товарища: «Горе от ума», Грибоедов, Чацкий и фраза «А судьи кто?». Так, что «не судите – да не судимы будете!» А то ведь «за мной не заржавеет»: «Скажи, кто я – скажу, кто ты!», как говорил товарищ

Нерон!

Каюсь: в отличие от ножа, это устройство пришлось испытывать не «на стенде». Заодно ещё кое-что пришлось: взять грех на душу – вместе с чужой душой. Одно утешение: душа была крысиной. Нет, не в том смысле, что на радость мне человек оказался плохим. Душа была крысиной, потому что принадлежала крысе. Надо же мне было проверить работу устройства «в условиях, максимально приближенных к боевым»! Хочу сразу же обрадовать защитника живой природы... в себе: я не заставил крысу страдать. Она «отошла» тихо и без долгих проволочек. Это внушало оптимизм. Уж, если крыса – «номер один» выживания в экстремальных условиях – показала такую «скоропостижность», то, что говорить за человека! Отсюда – разве я не гуманист?! Даже по отношению к тем объектам работы, которых надо «проводить» исключительно через «колесо» и «железную деву»!

Кому-то на язык может напроситься вопрос: «Зачем такая экзотика: стреляющие ножи, иглы?» Вестимо, зачем: «для эффекту». Морально-психологического. А ещё – для конспирации: оригиналов искать труднее. Это тебе – не примитивный ушкуйник с топором. Оригинала надо искать не ногами, а головой. А с этим у сегодняшних «оперов» – большие проблемы: форма не соответствует содержанию.

Итак, я экипировался – и был готов к «выходу в поле». Далеко и выходить не требовалось: вот оно – только выгляди из окна! Широкое поле... моей деятельности! Но, как за-

вещал нам один товарищ, поспешность нужна только при ловле блох. А ведь я собирался ловить клиента – и самому остаться неуловимым! Поэтому я ещё не определился с режимом работы – а уже нужно было определяться со страховочными мероприятиями.

Да, конечно, я могу «подбирать клиентуру» прямо из окна. Пока негодаев хватает. Но кроме негодаев, хватает и мозгов. И на них, и на всё прочее. В том числе – и на то, чтобы задуматься. Задуматься о том, насколько, всё же, верна установка: «не блуди там, где работаешь, не кради там, где живёшь!» Экономить на поисках – на свою задницу! В значении: искать приключения на неё же! И не просто искать: находить их!

Как пел Высоцкий, «объясняю популярно для невежд». Если я буду «работать по месту жительства», даже наши условные сыскари, пусть и не сразу, но «дойдут» – и до мысли, и до меня! А когда дойдут – то сузят круг поиска до нескольких домов! Отсюда – какой вывод? «Элементарно, Ватсон»: нужно сбить «мусоров» с панталыку, а заодно и со следа! То есть, «наставить их на путь истинный». А сделать это можно, только расширив географию трудовой деятельности. То есть, выйти за пределы «зоны кругового обзора». Аналогичными фактами, имевшими место в разных местах города, надо поставить... нет: загнать полицию в тупик! Только разными местами должны быть... действительно разные места! Не соседние улицы, не соседние микрорайоны –

только соседние районы! Надо уводить подозрения сыскарей – вместе с их немногочисленными мозгами – подальше от места жительства!

Конечно, страховка – это отступление «от линии». Но без неё и «линии» никакой не будет! Да и страховка не отменяет задачи оптимизации негодяев «на дому». Чтобы они не портили вид и настроение. Надо совмещать! Надо работать параллельно! Надо успевать – для того, чтобы полиция успевала лишь регистрировать факты! Чтобы ни на что другое она никогда не успевала! «Значит, нам – туда дорога!» Ну, в соседний район, то есть. Нет, не прямо сейчас – в случае необходимости! Я ведь пока только решаю: решиться мне – или нет?

А, вот, как мне решиться – я и с этим ещё не решил. Ведь это, какой крест я на себя взваливаю! Даже не будучи «Дубровским» и «Робин Гудом», де-факто я «запишусь в соратники»! Но хватит ли меня одного? Да и нужно ли мне это? Ладно, я оптимизировал одного негодяя. Так, ведь он настолько измозолил мне глаза и душу, что сил никаких не было! Силы нашлись только на его оптимизацию. Ну, пусть у меня ещё имеется резерв по месту. Для страховки отработаю аналогичную клиентуру в других местах. Ну, и хватит! Это ведь – не подряд, а лёгкая профилактика! Я не ставлю перед собой глобальных задач. Я не собираюсь предъявлять к оплате всю скорбь человеческую!

Да, проблема есть. И проблема – серьёзная. Но мой взгляд

на неё – локальный и предельно узкий: на ширину окна и кругового обзора. Главное, чтобы ни одна сволочь не мозолила мне глаза и не капала на душу! А в «Иисуса наоборот» – не Всепрощенца, а Непрощенца и Воздаятеля – я рядиться не собираюсь! Пардон – но это уже идеология. А мой интерес в этом деле – сугубо практический: если нет вас на меня, подонки – то нет и меня на вас! Не попадайтесь мне на глаза, не становитесь у меня на пути – и мы разойдёмся мирно! Я – не кровожадный. С меня достаточно и той крови, которая необходима для просветления в мозгах потенциальных клиентов. Не мешайте мне жить – и я не буду мешать вам! Не революционный подход? Так ведь я и не революционер! Я всего лишь убираю препятствия со своего пути! Не будь препятствием – и я тебя не уберу! За отсутствием надобности.

Значит, решено: я ещё не решился. Как это свойственно нам, «иванам»! Русский «авось»! – наш «модус вивенди» вместе с «модусом операнди»! Не делай сегодня то, что можно сделать завтра – и, как минимум, на день ты свободен от дел и мыслей. А, главное: ты свободен от необходимости принимать решение! Может, и в самом деле прав Иисус: «... не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня своей заботы!». Если это – так, то этот еврей – настоящий русский!..

Глава четвёртая

Я иду по улице – и хорошего настроения, как не бывало: «кирпич» опять сломан, а пешеходные дорожки вновь оседали «крутые». Значит – судьба, а попутно – не судьба. Судьба – на дело, не судьба – на диван. Я не делал выбор: у меня не осталось его. Да и не я выбирал, а меня. Рок сам выбрал меня. Выбрал на роль судьи и палача по совместительству. Так что все претензии – к нему. Но главную – к себе, господу «крутые». Потому что теперь я вынужден «производить» от этого слова: «накручивать хвоста», «откручивать головы», «выкручивать руки». То есть, поступать очень круто.

Увы: «не властны мы в самих себе». А если вы властны – то на свою задницу. Вот и пеняйте не на меня, а на завышенную самооценку. Теперь я не откладываю на завтра то, что можно сделать сегодня. Потому что это не можно, а нужно сделать! И именно сегодня, «пока свободой горим, пока сердца для чести живы»! А, если «ближе к земле» – пока у меня из всех «фронтальных» отверстий дым валит! Сейчас я – в самом творческом расположении духа, потому что решительно не расположен к этим товарищам!

В машине – трое. Объём работ – выше нормы, но «нет таких крепостей, которые не взяли бы большевики». Да и втроем клиенты не производят впечатления неприступного Из-

маила. Для начала я делаю рекогносцировку: определяюсь по месту. К сожалению, место – очень близко от моего окна. Но улица вновь оправдывает мои ожидания, «подрабатывая» местечковым переулком. И окна вселяют оптимизм: послеобеденная сиеста – святое время для алкашей и пенсионеров.

Подхожу к товарищам. Вежливо кланяюсь, а потом – также вежливо – «работаю немножко Ильичом»: простираю руку в сторону, пусть и сломанного, но всё же знака «Проезд воспрещён!». Народ оказывается понятливым – и повтора «сказанного» не требует. Вместо этого среди меня тут же начинается разъяснительная работа. «На первое» мне «указывают маршрут движения», конечный пункт которого – всего из трёх букв.

«На второе» все трое начинают выбираться из машины. Я тоже «включаюсь»: извлекаю из кармана «стрелялку». Нестрашный вид её вызывает страшный хохот. Присоединяюсь своей улыбкой. Ни дать, ни взять: «тёплая компания», хохочущая над скабрёзным анекдотом. «Дружки-товарищи» формата «не разлей вода»!

Но «разливать» всё равно придётся. Мне – из товарищей. Тем более что товарищи уже принялись оснащать себя дополнительными аргументами в уже начавшейся «дискуссии». Один из них «пополняется» разводным ключом, другой – охотничьей двустволкой, которую ему подсовывает заднее сиденье авто. Третий вооружается... текстом и ку-

лаками. Я не возражаю: под такое дело оптимизация пойдёт за милую душу. Вместе с душами клиентов. Пойдёт так же легко, как водка – под хорошую закуску в хорошей компании. А эта компания – хорошая. Одним лишь тем, что совсем не хорошая. Подходящая компания. Для работы с ней.

Но затягивать с этим мероприятием не стоит. Поэтому я не даю товарищам «развернуться в боевые порядки» – и первым «открываю огонь на поражение». Товарищи ещё не успевают даже поразиться, как оказываются поражены. Все трое, один за другим, немедленно принимают участие в инсталляции на тему бессмертного творения Васнецова «После битвы Игоря Святославича с половцами». В «бюджетном варианте» – по причине недобора участников. Все, конечно – «в роли половцев». За собирательный образ русичей – тоже в «бюджетном варианте» – отрабатываю я. Потому, что правда – всегда за нами. Потому что мы – за неё. Горой и всем коллективом.

И тут опять чёрт меня дёргает под руку: «Нарисуй „кирпич“! Всё – под рукой: и „краска“, и „холст“! Ты оставишь след – но не наследия! Помоги же понять непонятным!» Соблазн велик – и не только величиим соблазнителя. Но, задумавшись на мгновение – лимит! – я тактично, но решительно, «отвожу руку». По тем же доводам, что и в первый раз. Я и так уже «наследил»: второй случай за месяц, в десятке метров от первого и на ту же тему! Тут и безмозглый придёт к мысли, потому что она придёт к нему: «А слу-

чайно ли это?!»

Для совпадения это – слишком. Поэтому, ещё отработывая товарищей, я уже намечаю планы на вечер. На тот самый вечер, который уже наступил – посредством меня – на этих товарищей. «Склоняться над картой боевых действий» в образе «начальника своего штаба» мне уже некогда: пора на работу! Увы, работать мне придётся в условиях лимита времени, в невыгодной оперативно-стратегической обстановке, «разворачиваясь уже на марше» и «вступая в бой прямо с колёс»! Да и отработать мне надлежит не одного клиента и не один участок. Потому что я уже дважды «засветил» свой дом. Я исхожу из того, что «sapienti – sat!» – пусть даже среди «мусоров» этого «sapienti» не найти днём с огнём! Но это – тот случай, когда кашу маслом не испортишь! Лучше перебдеть, чем недобдеть!

Поэтому у меня – лишь такой режим работы: «одна нога – здесь, другая – там!». Это значит, что я должен охватить участием хотя бы пару районов города. И уложиться я обязан в час-два, не больше: должно минимизировать разрыв по времени с «акцией номер два». Некомпетентным товарищам из компетентных органов надо думать лишь то, что надо мне.

А мне надо думать то, что им не надо делать. А им не надо делать ничего, кроме утаптывания асфальта и высказывания сожалений по поводу отсутствия даже минимальных зацепок. Это – и в их же интересах. Потому что «во mnogой

мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Лишние знания – проблема не только для головы, но и для задницы. И не для чужой – для своей.

Так, что пусть господа «пинкертоны» думают, что в городе орудует шайка, никак не привязанная к моей придомовой территории. Для меня это будет и алиби, и ложный след: классическое «два – в одном». А для них – лишний повод сказать начальству: «Уж, очень мудрёную загадку ты нам „заганул“!»

Эх, надо бы взять такси – да не надо! Нельзя: у проклятых таксистов память – хоть отшибай! Даже – у дефективных сегодняшних, с личным авто. Поэтому, старательно имитируя неспешный шаг, я бегу на автобусную остановку. Мне ведь – не в соседний район, который начинается на той стороне улицы. Не зря говорится: «подальше положишь – поближе возьмёшь!». И я еду в два непрестижных района на отшибе: увожу «мусоров», а заодно отвожу подозрения.

Признаю: на задание иду неподготовленным. Местность не разведана, «наколки» не сделаны. Ни рекогносцировки, ни плана. А всё – потому, что с этой троицей вышел чистой воды экспромт. Надо было отложить мероприятие, включить его в план, «составить проектно-сметную документацию, подготовить обоснование, разработать ТТУ! Но «не вынесла душа поэта» – и поэта занесло и понесло! К сожалению – не в первый раз! Поэтому сейчас я не только увожу-отвожу, но замазываю. Замазываю грехи, которые – огрехи. За-

мазываю грехи я оригинально: принятием новых. Не на душу: на баланс. Но меня извиняет уже то, что это – не мои грехи. Я исправляю чужие.

Прости, Господи – но это о Тебе! Это – Твои грехи. Это Ты, Всеблагий и Всемиловитейший, допустил и позволил! Ведь без Вас с Папой, как Ты сам признался, ни один волос с головы не упадёт. Поэтому я не нагружаю душу, а, напротив: разгружаю! А Тебе не выговор мне объявлять «с занесением», а заносить на скрижали! Я даже, как тот Василий Тёркин: «согласен на медаль». «В лице» благодарности по профсоюзной линии: «за активное участие в субботнике по очистке территории»... от негодяев!

Полчаса – и я на месте. По счастью – не только я: на месте и потенциальная клиентура. На своём месте – пусть и не на своём: в личных авто на пешеходных дорожках. Смотрю на часы: на любезности уже нет времени. Поскольку надо действовать решительно и быстро, я так и делаю: быстро и решительно напрашиваюсь на неприятности. Клиенты думают, что – на неприятности для себя. До поры, до времени я их в этом не разубеждаю. Постигание истины случается с ними в самый последний момент, когда лезвие уже летит навстречу своей судьбе – «в лице лица» клиента.

Я удовлетворён параметрами объекта. Мне даже не пришлось устраивать конкурса: все «хозяева жизни» – одним миром мазанные. Все – независимо от «места помазания». А этот соответствует «на все сто»: наглый, жирный, с высо-

комерной ухмылкой и солнцезащитными очками на лбу, который даже в глубоких потёмках не примешь за сократовский. Он даже зарабатывает дополнительные очки: разгоняет пешеходов колёсами, клаксоном и матерками. Его не смущает то, что де-юре здесь хозяин не он, а пешеходы. Он ведь – «хозяин жизни». А, значит – «хозяин всего в ней».

Я подхожу к избраннику и даже не стараюсь разнообразить репертуар. Ну, тот самый: насчёт «кирпича». Избранник тоже соответствует: для начала «отправляет меня в командировку по известному адресу», а затем начинает выбираться из авто для продолжения «работы среди меня» уже на месте. И не один начинает – а с самопальным кастетом, который даже от «любительского статуса» не выглядит менее увесистым. Глядя на «сладкую парочку», я делаю безошибочный вывод о пройденном товарищем пути: по головам и рёбрам. В этом случае интеллект явно не прилагался к свидетельству о рождении. Это облегчает достижение взаимопонимания. Я «тоже люблю» тех, кто олицетворяет собой новое мышление: «в одном месте купил за доллар, в другом продал за три – вот на эти „два процента“ и живу!».

Товарищ не успевает «развернуться в боевые порядки»: мой инструмент делает это раньше. Зато товарищ успевает презрительно ухмыльнуться. Но это – последнее, что он успевает: дальше успевать надлежит только нам с «боевым другом». В итоге каждый получает своё: клиент – воздаяние, я – удовлетворение. Дело сделано – и мне пора. Нет, не на по-

кой: на другой объект. Я выполняю последнюю рекогносцировку – и получаю дополнительную порцию удовлетворения: наш мимолётный тет-а-тет не привлёк себе ни малейшего внимания редких прохожих.

Опять смотрю на часы: с момента предыдущей акции прошло всего сорок минут. С учётом того, что желающих «засвидетельствовать своё почтение» и на горизонте не видно, а наша судмедэкспертиза, в отличие от киношной, свидетельствует только день смерти, я могу спокойно отправляться на автобусную остановку. Путь мой лежит в район, соседний с этим: такое же захолустье, но со своими «хозяевами жизни». По дороге я исполняюсь чувства гордости за нас обоих: за себя и свой труд. Загадка «пинкертонам» загадана в срок, в нужном количестве и качестве.

До соседнего района автобусу – минут десять ходу. До того места, где «водятся крутые» – ещё минут десять. Дважды успеваю похвалить автобусный парк: машины идут точно по графику – и даже с превышением. «На рубеж атаки» я выхожу с запасом в пять минут. А, значит, у меня есть время оглядеться, сделать выбор и не ошибиться с ним. Все три дела я укладываю в лимит. И, главное: цель – как на заказ. За исключением одного нюанса: она – «трёхголовая». Значит, мне придётся слегка «превысить лимит» – а моему пусковому устройству отработать в режиме «разделяющихся головных частей индивидуального наведения».

Привередничать уже некогда: время пошло. Да и «патро-

нов» особенно нечего жалеть: я использую не «подарочную» обойму, а ту, что «для повседневной носки». Оно и для дела алиби полезней: ведь пока я «храню верность». Поэтому я имею законное основание усомниться в том, что местным «шерлокам» удастся выйти на изготовителя. Но если они ещё и состав сплава не установят, я буду смертельно разочарован. Прошу прощенья – но иметь дело с совсем уже дураками, хоть и выгодно, но неинтересно! Ну, вот, не тот выброс адреналина в кровь! Ни по качеству, ни по количеству!

Всё проходит точно по сценарию – даже скучно: дюжина матерков, демонстрация силы – и финал. Занавес опускается – и не на сцену: на глаза и мозги. Я задерживаюсь взглядом на павших лишь для того, чтобы убедиться в качестве работы. Убеждаюсь: работа проделана качественно – посредством дырок в черепах. На лирику у меня опять нет времени – не говоря уже о желании – и я смотрю на часы: один час пять минут от первой «зачистки».

Кажется, укладываюсь в норматив: три акции – в пределах часа. Для Руси – почти одновременно. А тут ещё информаторы пособят «родной милиции»: дадут минутный разнобой. И точное время станет приблизительным – что и требовалось доказать. Расхождение будет в пределах допуска: «плюс-минус».

Выдыхаю полной грудью – и шагом стахановца, идущего со смены, направляюсь к автобусу. Мне пора домой. По дороге никого не встречаю: уже стемнело, а в этом, Богом за-

бытом, крае, народ полчаса, как рассредоточился по домам. Кстати, дурная слава обоих районов мне кстати. Где ещё и трудиться «операм», как не в проблемных районах? Тем паче, что я подбросил им свежих проблем.

Итак, я сделал сегодня, аж, три добрых дела «о семи головах». Предвижу вопрос: «Ну, чего ты привязался к этим автовладельцам?». Его задаст человек, не обременённый мозгами. Тот, до которого не доходит сермяжная правда: надо доводить. Довожу: дело – не в авто, а в типах. Потому что они не просто типы: типажи. Они – олицетворение несправедливого бытия, его квинтэссенция и средоточие всех пороков режима. Режим «эксклюзивно-бесчеловечного». Ибо режим этот исключает человека из бытия. Ибо он – для одних человек за счёт других. И тех, других – подавляющее большинство. И пусть я – не от их имени, но из их числа. Поэтому, воздавая нарушителям ПДД, я воздаю всему режиму. Воздаю, даже не ставя перед собой цели воздаяния.

Но критик мой неправ ещё и по другой причине. В своей работе я не ограничиваю себя искусственными рамками. Я – «многостаночник широкого профиля». И не от природы – от жизни такой. Жизнь не даёт состояться избирательности. Ведь, в таком случае, обойдёнными вниманием окажутся не менее достойные лица из числа потенциальных клиентов. Увы, но хрестоматийная логика «много званых – да мало избранных» нуждается в существенной редакции. В такой: «сколько званых – столько и избранных».

Значит, «выхожу один я на дорогу» не для того, чтобы за деревьями не видеть леса. И пусть меня не хватает для этой работы, этой работы хватает для меня. Ведь даже в Год собаки, или, там, обезьяны, наш век – Век Негодяя! И наше-го века на наш век хватит!

Поэтому «товарищ» может быть спокоен: «будет вам и дудка, будет и свисток». Имейте снисхождение: я ведь только вхожу в курс дела. И, потом: невозможно объять необъятное. А я всегда готов к дополнению: «но возможное нужно объять!». И вот – итог: «пока свободой горим... идут „избранники“ дровами!». Или, как говорил незабвенный Глеб Жеглов: «Так будем же рубить эти головы, пока меч не затупится!». А я – значительно ближе к буквальному истолкованию завета, чем сам его автор! Так, что, если мне потребуется критика – я сам в своём распоряжении. И не праздного критиканства ради, но для «исправления линии».

Глава пятая

«Ищут пожарные, ищет милиция...», как писал один товарищ. Люди моих лет помнят, чем заканчивались эти поиски и эти строки: «Ищут везде – и не могут найти...». Этот стихотворный рапорт о поисках касался неизвестного героя. Я с полным основанием могу отнести его и к себе. И не с одним основанием: со многими. Во-первых, меня тоже ищут. Во-вторых – именно милиция. В-третьих, ищут за совершение героического поступка в количестве трёх на семь единиц. Неважно, что героического – только в моём понимании. В-четвёртых, ищут меня – и не могут найти.

И не потому, что плохо ищут: потому, что я помогаю меня не найти. Ведь, если героя стихотворения искали, пусть и по скудным, но всё же приметам: типовая наружность, типовые штаны, то в моём случае у сыщиков и этого нет. Ну, вот, не предоставил я ничего в их распоряжение.

Поэтому мне доставляет безусловное эстетическое удовольствие заслушивать по телевизору жалобные просьбы милиции об оказании ей содействия в поисках неизвестного злоумышленника. Из этого «плача Ярославны» нетрудно сделать вывод, который до меня уже сделали не единожды: «неизвестный старался остаться незамеченным – и это ему удалось». Стенания милиционеров – лишний довод «за». Это укрепляет и поднимает, но, в тоже время, и не позволя-

ет.

В порядке очерёдности: веру в себя, настроение, потери бдительности. Да, есть подвижки: ничего не движется. Насколько я понимаю, мои оппоненты поняли то, что и должны были понять: ничего. Они решили то, что им, сегодняшним, и надлежит решить: это – дело рук неизвестных хулиганов. Принять хулиганов за грабителей и разбойников им не позволяет тот факт, что «жертвы нападения неизвестных» остались «при своих интересах». За исключением одного: жизни.

С чувством глубокого удовлетворения я узнаю, что мне удалось отвести подозрения от места жительства. Оппоненты явно начинают «растекаться мыслью по древу». А, «растекаясь», они никак не могут «потечь» в одном направлении. Нет, конечно, версий – как у того Маяковского «планов»: «громадьё». Но все они – от отчаяния и для бумаги. Правда, однажды мелькает очень даже нездоровая – потому что здоровая – мысль: «А вдруг к этому делу приложил руки мститель?»

Я уже начинаю волноваться – и не только за судьбу мысли, но и за свою собственную – как тут же получаю возможность успокоиться. Мысль товарища быстро вяжут по рукам и ногам одним-единственным контрвопросом: «Этот мститель – что-то вроде Фигаро: и здесь, и там?!». И товарищ «плывёт». Вначале он пытается возвести существительное «мститель» в достоинство множественного числа, а затем, не дожидаясь «третьего петуха» на свою задницу, мужественно капитули-

рует. Предложение, как идущее не в ногу с общим мнением, предаётся забвению.

По этой причине воцаряется единомыслие: это – совокупность не связанных между собой разрозненных действиях хулиганов, своих для каждого района. Туда и обращается взор «звёзд» областного ГУВД. Туда, куда я обращаю их взор.

Я спокоен: всё идёт по плану. Из окна я уже который день не наблюдаю ни одного автоприватизатора пешеходной дорожки. Знакомые бизнесмены – «те ещё» негодяи! – охвачены, если не ужасом, то думами о жизни и о себе. В воздухе пахнет осенью и умиротворяющим покоем.

Я не заявляю авторских прав на запах осени, но умиротворение – моё производство. Радует и отношение «пипла». Он реагирует адекватно: «бурными аплодисментами, переходящими в овации». Пусть даже – только в глазах. А всё – потому, что «любовь с хозяевами» у нас – взаимная. До гроба, в который одна сторона пытается загнать другую. Ну, как это и полагается в демократии на русский лад.

Негласное одобрение «пипла» ни к чему меня не обязывает – и в то же время обязывает. И пусть я не есть «сознательный борец за дело... и прочее», но ведь «я не могу иначе». Поэтому за «тыл» я спокоен... после того, как сам его организую: «пипл» – он и есть «пипл». «На „пипл“ надейся – а сам не плошай!». Да и надейся лишь на то, что он тебя не сдаст. А ведь может: «пипл» – он и есть «пипл»! Поэтому

я не за него: я – за себя! И не «от имени и по поручению» – а потому, что «кто, если не я?!»

Тогда: почему «обязывает»? Честно говоря, сам не знаю. У меня – лишь одно умное объяснение: потому что – дурак. Не был бы дурак – ничего бы меня не обязывало. Я ведь не подписывался на обязательства. Я – по велению души, а не по разнарядке. А в деле оптимизации такого объекта это соображение – главнейшее. На это дело надо идти не как на разгрузку вагонов, а порхая вместе с душой! Потому что всю душу надо вкладывать в это дело – и не только свою! На такое дело никто тебя не может призвать: только ты сам! Вот, я сам себя и призвал. А под такой призыв вполне может проскочить и ощущение того, что доверие обязывает. В значении: окрыляет! Не как строка из договора о найме – как моральный стимул! Другого объяснения я не нахожу. Да и некогда мне его искать: работа стоит. И, ладно бы, просто стоит: ждёт! Можно сказать: заждалась уже!

Как следствие, «выхожу один я на дорогу... волоча на-труженный колун». Вот тут уже впору сказать: «планов громадье». Это – к вопросу, на который я уже дал ответ. О приоритете интересов. Так, вот: в своей работе я не замыкаюсь на нарушителях ПДД из числа «гражданских» подонков. В моём ассортименте – целых три объекта предпочтения: «органы», бизнесмены, чиновничество. Все – с аттестацией «подлый» в соответствующем лице. Не я зачислил их в клиенты: они сами. Поэтому «обратной дороги нет». Для обеих

сторон: мне – «на ны», им – в последний путь.

Конечно, в таком деле одной визуальной информацией не обойтись. Ну, так ведь сам и виноват: нечего было превращаться «немножко в общественника». Поэтому я «расширяю круг осведомителей».

Дополнительные характеристики я собираю из открытых источников: газеты, Интернет, слухи, мнения коллег. Коллеги обычно – самые принципиальные: не щадят не столько себя, сколько друг друга. И не на работе: вне её. Поэтому их информации можно доверять, если не на «все сто», то на девяносто «с хвостиком». Зависть к преуспеянию другого – самый надёжный ключ для открывания ртов и душ. От меня требуется всего лишь «сдвинуть камешек» – и лавина разоблачений сметёт «незапятнанный образ беззаветного труженика дивана и кресла».

Откуда у меня такие возможности? Так ведь я сам – «немножко оттуда». «Были когда-то и мы рысаками». Я сам был в Системе – это Система меня отторгла. Потому что чуть раньше я отторг Систему. Такое не прощается – и я не был прощён. Я ушёл – да чуть-чуть остался. Остался немногими корешками в лице отдельных «корешей». Уходя, я не имел на них никаких видов, но они «сберегли себя». Как источник информации. Вначале я потреблял её вместе с закуской под очередные «сто грамм». Но, когда я «встал на тропу войны», поддержание разговора с моей стороны носило уже целенаправленный характер. В конце концов, я стал обладателем

такого количества «дворцовых тайн», что даже после просеивания сквозь частое сито их хватит на несколько приговоров.

Но судьи могут быть спокойны за свою отсутствующую совесть: «я не хочу тревожить вас ничем». Решение проблемы моих клиентов – моя проблема. И я решаю её в присутствии мне стиле: оперативно и исключительно хирургическим способом.

Так, что, насчёт беспокойства я могу не беспокоиться: фронт работы у меня – широкий. Но начинаю я с того, что... продолжаю. В том же ключе и в том же духе: иду по души нарушителей ПДД. На этот раз – из числа тех, кому по должности положено решительно пресекать нарушения. Но поскольку они не в силах пресечь, ибо нарушители суть, я прихожу им на помощь. Как доброволец. Как никем не уполномоченный общественник.

«Недолго музыка играла». А заодно и «свято место пусто не бывает». В буквальном смысле: недавно зачищенное от «крутых» нарушителей, место под моим окном ещё более энергично обживают господа из местного ГУВД.

К несчастью, мне не везёт с местом жительства: я соседствую с местными правоохранителями. Но до моего места жительства им дела – лишь до места стоянки. Увы: они считают себя «хозяевами жизни» в ещё большей степени, чем обладатели «крутых тачек». Да они и сами – обладатели. И именно «крутых тачек». При зарплате на кусок хлеба и па-

ру штанов.

Почему никто из «высоких краснобаев» не выглянет хотя бы в окно? Почему никто не скользнёт глазом по этому дефиле иномарок? Почему никто не задастся вопросом: «Скажи, товарищ, ведь недаром...»? Меня давно уже не занимает эта «почемучка». Ведь на все вопросы – один ответ: тот, кто должен спрашивать – «из того же лукошка»! А за спрос можно получить и контрдовод: «Скажи, кто я – скажу, кто ты!». И получить его исключительно по шее, а также более ощутимым местам.

Поэтому, эти вопросы я замещаю другим, более актуальным: «Значит, нам – туда дорога?» Я не сразу прихожу – и не к товарищам: к мысли. Я ведь – не «борец за идею». Мой принцип: «Ты не трогаешь меня – я не трогаю тебя». Для того чтобы случилось то, что случилось, количество должно перейти в качество. Количество душевных мук – в качество решимости. И однажды это случается. Как и положено – случайно. Опять же – на почве автомобиля и ПДД. Когда на своих иномарках «блустители» разгоняли мирно идущих на отведённой им улице пешеходов. Случайность – частный случай закономерности. И, если под впечатлением увиденного киношный Деточкин сказал: «И тогда я решил: «Продавать!», то я решил, хоть и тоже в одном слове, но ещё резче: «Удалять!»

Мой личный момент – не детонатор к общественному. Один всего лишь наслаивается на другой. Но тут никто

никому – не довесок. Так иногда случается, что личное и «другое» идут не только параллельными курсами, но и одной дорогой. Идут как в моих мозгах, так и вне их. Ещё раз: я – не мститель. Обычно – не мститель. В основном: не всегда это у меня получается. Иногда «выхожу из образа» и с трудом возвращаюсь в него. С трудом над клиентами «не из списка». Но, если я временами и мститель «не за себя», то таковой я лишь «за компанию». Потому что я – «от имени и по поручению себя». Хотя не скрою: ощущение всеобщей несправедливости, конкретизированное личными впечатлениями и «материалами дела», тоже участвует в подвигах. Подвигает меня к делу. Точнее: на дело. Поэтому иногда я могу сказать о себе: именно этот классический набор «на труд и на подвиги нас вдохновил».

Очередное лирическое отступление – к тому, чтобы были понятны мои «движители», «исторические корни» и та самая «руководящая и направляющая». Нет, она – «та самая» – не подталкивает меня в спину и не волочит за шиворот. Она лишь помогает мне не сделать ошибку в выборе цели. Цель обязана быть достойной. Достойной участи моего клиента. Мой «внутренний кормчий» лишь наставляет меня на путь истины. И я уже не могу идти другим маршрутом:

«Где истина? Над истиной – туман,

Она живёт меж змей и пепла в склепе,

Но я иду за ней и освещаю

Ей путь своим дрожащим фонарём» (*Эдит Сёдергран*).

Недаром сказал уже другой товарищ: «Дело – не в дорогах, которые мы выбираем. Дело – в том, что внутри нас заставляет выбирать дорогу». И как это ни «высоко», меня «заставило» – и вот, я освещаю путь истине. Отчасти, конечно, и не всегда буквально. Потому что «освещаю» я, «прорезывая, пропалывая и удаляя». Кого? Сорный элемент, естественно: нуворишей всех мастей и их защитников от народа. Тех самых правоохранителей, которых охраняют исключительно права имущих. И тех «слуг народа», которые поменялись с ним ролями, предав забвению принцип монрёра Мечникова: «согласие есть продукт при полном непротивлении сторон». Ибо не было такого согласия.

Вот поэтому я вновь иду на дело. Не сам иду: ведут. Не чувство долга: несправедливые дела несправедливых. Это они не дают не только остаться в стороне: хотя бы постоять! Отсюда – «И вечный бой! Покой нам только снится!». Ну, а моим клиентам, надеюсь, если и снится покой – то лишь в страшных снах. Хоть до кого-нибудь из них должно же дойти, что «по делам вашим судимы будете»! Что «от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут»! Вот я и иду – по души и по головам. Увы, но иной дороги к справедливости нет. Как минимум – «в нашей буче».

Боюсь оказаться назойливым, но не я выбрал путь: он выбрал меня. А «товарищи» помогли ему не ошибиться с выбором. Хотя, знай они, чем и кем это закончится, уж, не по-

жалели бы сил на ошибку. Ведь они помогли этому пути выбрать не только меня, но и себя. Меня – как судью и палача, себя – как подсудимых и осуждённых. И не как жертв: как объектов заслуженного возмездия. Поэтому: «да свершится правосудие!» Ибо свершиться оно может только вне стен «дворцов правосудия»: там оно, пусть и по праву – но неправедное...

Итак, я иду на дело. Опять – по ситуации. Опять – экспромт. Вот оно – очередное доказательство моего личностного подхода к вопросу! «Гражданин» во мне «отдыхает» – хотя я пашу за него и на него, как ниггер! Работа – внеплановая, но безотлагательная: накалило так, что крышку срывает! Больше всего «достаёт» тот факт, что преступают те, кому надлежит пресекать. Я ещё могу понять «*Quod licet Jovi, non licet Bovì*»: «Что дозволено Юпитеру – не дозволено быку!» Но где тут хотя бы один «Юпитер»?! Кругом – сплошные «быки», и, я бы даже сказал: «бычары»!

«Не по чину берёшь»! – как справедливо заметил Городничий у Гоголя. «Берущих по чину» я бы тоже отработал, да руки короткие. А, вот, у них – длинные: меня достанут и изпод земли. Потому что «высоко сию – на тебя гляжу!». Отсюда и мне – задача: «Рубить сук по плечу!» Вот я их и рублю – сук, которые мне – по плечу! А других пусть рубят товарищи с более широкими плечами – «по линии более широких возможностей». С меня и наличного объёма – хоть в книгу рекордов Гиннеса!

Сегодня – настоящее дефиле «крутых» иномарок. Для «крутых» «мусоров». Так беззаветно служат они народу, что дослужились до «лексуса», а то и по два на нос! Это – не считая элитных квартир, дач, обстановки и «элитных» же счетов «закрытого типа»! «Кому много вверено – тому и много дано!» А, если не дано, то взято! Наши «правоблюстители» – доки по части истолкования в свою пользу. И не только законов человеческих, но и Божеских! Ещё «очко» в их «дебет». С таким «лицевым счётом» грех – не взять на себя грех! Потому как, хоть на себя – но и за Бога!

Но попотеть сегодня придётся. И куда больше, чем тем пешеходам, часть которых сочетает бег по пересечённой местности с бегом с препятствиями, а другая следует установке «от греха – подальше». То есть, отступает на исходные рубежи для совершения обходного маневра в надежде избежать встречи с «защитниками». А, вот, «мы пойдём другим путём». Это для них кратчайшее расстояние – кривая. Я же храню верность «золотой классике»: «прикладываю линейку».

То, что народ дематериализовался – даже хорошо: мне не требуется и сочувственных взглядов. Лучшая помощь со стороны – её отсутствие. Потому что «во mnogой мудрости – много печали...». Или, как говорил всё тот же Городничий: «Иногда много ума – хуже, чем если бы его вовсе не было!». Товарищи случайные прохожие избавляют себя от греха встречи со мной, а меня – от греха встречи с ни-

ми. Пусть и не сами избавляют, а благодаря «хозяевам жизни», не позволившим им стать даже случайными прохожими. А уже это помогает им не стать «жертвами несчастного случая»: верный классике, я не оставляю свидетелей. И это уже – не моя вина, а их: всегда надо оказываться в том времени, и в том месте. Но и эту заслугу «доблестным» стражам я засчитываю не в актив, а в пассив. Ведь доброе дело они совершили по пути к злему. Даже не так: добро оказалось лишь побочным продуктом зла. «Отходом производства».

Я приступаю к рекогносцировке. Не все машины обитаемы. Часть автовладельцев успела рассредоточиться в коридорах роскошного здания ГУВД, некогда являвшегося храмом науки. Во времена «тоталитаризма» здесь благоденствовал НИИ каких-то точных наук. Но с «торжеством демократии» наук не стало – и надобность в храмах для поклонения им отпала. Да и об удобствах «защитников от народа» тоже надо было подумать! Ведь новых хозяев жизни наука от народа не защитит – а это первейшая забота «слуг народа»! Ну, как тут не порадеть родному человечку?!

С одной стороны, «нехватка кадров» огорчает. Я ведь пришёл не затем, чтобы ходить два раза. Получается невыполнение плана. Но с другой стороны... Как законченный материалист, я не могу не признавать закона единства и борьбы противоположностей. Поэтому другая сторона обязана иметь место быть – и имеет. И с этой другой стороны, задача моя облегчается: «невозможно объять необъятное».

Это только герой песни мог самодовольно заявлять: «обою-му я небо крепкими руками!». Моих рук, при всех их крепости, не хватит не то, что на небо, но и на «шматок» земли! Мы, реалисты, должны быть... реалистами! Ведь оптимизировать две дюжины нарушителей – а именно столько нарушает сегодня правила дорожного движения – и остаться при этом инкогнито – сродни подвигу в квадрате!

И я «захожу на цель» со спокойной душой. Для дополнительного успокоения на время работы я «отключаю» душу. Ведь ещё Феликс Эдмундович определил параметры чекиста: «горячее сердце» и «холодная голова». А разве я – не чекист?! Хотя бы по линии работы в глубоком подполье – даже у себя под окном?! То-то и оно: чекист! И ещё – какой!

Первым делом – вторым после рекогносцировки – я произвожу инвентаризацию. В наличии – пять голов на двадцать четыре единицы. Должен управиться. Потому что – надо. Есть такое слово: «Надо!» И есть у нас, дураков, такое право, которое – обязанность: первым рвануть тельняшку на груди, а потом – из окопа! Ничто нас, вроде, не обязывает – а мы всё равно рвём! «Партия сказала: «Надо!» – комсомол ответил: «Есть!»». Я – партиец непартийный, да и она ничего не говорит: сопит в две дырки, борясь за счастье народа... избранного... в депутаты парламента. Но взялся за гуж – отнимай и жизнь, и куш! Мне куш не нужен – а, вот, от жизней не откажусь! И поэтому, даже не призванный, я отвечаю: «Есть!». Себе отвечаю – не чужому дяде, который иногда

говорит, вроде, правильные слова, а получается, как в поговорке: «Не та хозяйка, которая говорит – а та, которая щи варит!»»

Все автовладельцы – как на подбор: титульной нации. «Чужие здесь не ходят» – тем более, не ездят. Это ещё больше упрощает мою задачу: наша «любовь» – взаимна. Потому что это раньше я воспринимал Киплинга, как абстрактную литературу – про то, что «там, «у их».

«Несите бремя белых. Пожните все плоды.

Брань тех, кому взрастили вы пышные сады,

И злобу тех, которых, так медленно, увы,

С таким терпением к свету из тьмы тащили вы!»

Сейчас я читаю эти стихи, как автобиографию. А поэтому и счёт к «тем, которым», у меня – немножко личный. Но это – приправа к блюду: объективности едока не мешает. Напротив: способствует усвоению.

В данном случае – душ человеческих. Условно человеческих: ведь «хозяева жизни» – «существа высшего порядка». Именно такими они себя и «позиционируют», даром, что сами – лишь в первом колене не «от сохи». Но условно человеческие они и для меня. Правда, «с другого бока»: ничего человеческого, за исключением внешнего сходства, я в них не наблюдаю.

Поэтому я согласен с классификацией: «существа». А, если они существа – то и греха на мне нет. Грех – наша, человеческая конструкция. Исключительно «для внутреннего

употребления». Поэтому мне даже индульгенция не требуется: нет объекта преступления.

Понятийный сумбур? «Смешение жанров»? Возможно. Хотя – вряд ли. Но, если это и так, то не от отсутствия мыслей и доводов. И тех, и других – избыток, хоть конкурс устраивай! Но, за неимением времени, я «валю кулём – потом разберём!». Или «разберут» – те, кому положено. А сейчас я доволен: у меня – не одна линия защиты, а сколько угодно! И каждый довод – как штык! А все вместе – горой за меня! Но я не прячусь за ними. Я всего лишь заявляю об их наличии всем заинтересованным сторонам.

И, прежде всего – себе. Потому что мы, интеллигенты, любим копать в душе. Любим надрывать её и выворачивать наизнанку. Но когда она – под железобетонным фундаментом правомочий, когда она в бронежилете доводов и аргументов – попробуй, вскопай её! А мне такая защита – кровь из носу! Мне ведь идти на дело! Какие же мы – чекисты, если не с холодной головой?!

Из пяти объектов работы четверо – офицеры в форме, и лишь один – сержант. Но у него такая наглая, такая жирная рожа, что я начинаю стонать от огорчения: товарищ явно привёз большого начальника. И, судя по одним лишь реквизитам водителя, начальник заслуживает, как минимум, внеочередной оптимизации. Знаю я таких – и не по слухам: «Были и мы рысакими когда-то...».

Но на нет – и суда нет. То есть, он есть – но откладывая-

ется. И это – не для красного словца: я записываю в памяти номер авто. Заочно приговариваю отсутствующего клиента. Но «наличие отсутствия» не умаляет наличия де-факто: как-никак – а четыре души. Четыре заждавшиеся моего пристального внимания души! Это благородное слово я использую исключительно в арифметическом значении: как расчётную единицу. Потому что я даже не сомневаюсь в отсутствии у «этих душ» души. Той – нормальной, человеческой. Там – бронежилет. Но, в отличие от меня – не для защиты души, а вместо неё. Да и бронежилет – полицейский. А этим всё сказано. Без комментариев.

Рекогносцировка приводит меня к неутешительному выводу: я – в стратегически невыгодном положении. Машины выстроились в ряд, но из двух хорошо просматривается ближайшая ко мне с клиентом «номер один». Я не успеваю отработать их всех по очереди. Какими бы ленивыми и тупыми они ни были – а меня одного мало на них всех. Я просто не добежу до последнего в списке. Даже, если он не вооружён пистолетом, как минимум, «сотовым» он вооружён. Хрен редьки не слаще!

Значит, надо собирать их всех до кучи! Думай, голова, думай! Хотя... чего тут думать!

– Эй, вы! Какого хрена вы тут столпились на пешеходной дорожке? Вы же, мать вашу, так – слуги закона... хреновы!

Я работаю по варианту «номер два». Вначале я хотел «представиться» местной госбезопасностью. У меня и про-

ездной билет – соответствующий: красная корочка с золотым тиснением. Пока разберёшь, что там написано – а я уже «спецслужбист»! Да и не позволю я разбираться!

Но эта мысль – только на первое время. Размером в момент. Потому что мысль – черновая. Работа «под Остапа» не всегда имеет шанс на прохождение. Многое зависит не только от тебя, но и от клиента. А ещё – от случая. Тут – как повезёт. При этом варианте для успеха нужно очень многое: быстрота, натиск, «нахрап». Но главное – достоверность: артистические данные нужны всегда. А я сейчас – «не в образе»: нет подходящего состояния души. Нет творческого настроения.

Зато есть дублирующий вариант. И я использую его. Принципиальность – она же наглость в отношении «слуг закона» – метод безотказный. «Слуга» не всегда поведётся на самозванство, но на провокацию клюнет всегда! А как иначе: он ведь – хозяин жизни»! И поэтому он должен научить меня жизни – а заодно и «дать жизни» посредством дачи по жизненно важным органам.

«Блюстителю» оторопевают: явно отвыкли от «комплиментов» в свой адрес. Но смятение их длится недолго: пару секунд, не больше. И уже на третьей секунде они дружно, как по команде, выбираются из своих авто.

– Да-да, все – сюда! – продолжаю я «вызывать огонь на себя». В их интерпретации: «искать приключения на свою задницу». Мой призыв стимулирует двигательную активность

«блестителей». Чуть ли не прыжками они преодолевают расстояние, которое разделяет нас. Двое из них на ходу расстёгивают кобуру. Среднестатистический гражданин при этих телодвижениях должен уже «отгружать в штаны». У меня же брюки работают в обеспечение режима «руки – в брюки». И не образно: мои руки – там, где моё орудие производства.

– Руки – за голову! Лицом – к машине! – командует мне лихой майор. Видимо, от волнения он забывает о команде по поводу ног. Надо ещё скомандовать: «Ноги – на ширину плеч!» Как в утренней гимнастике: «Наклоны вперёд!». Но этот сценарий – не тот. По этому сценарию меня сейчас должны положить на землю, провести среди меня разъяснительную работу – посредством ног, а затем конвоировать в «контору»: не им же одним – такое удовольствие. Ребята честно поделятся мной с коллегами по работе. После этого я буду водворён, привлечён и транзитом через суд этапирован. Нагрузят меня так, чтобы мало не показалось. «Моей спине» будет предложен весь «джентльменский набор»: от оказания сопротивления, сопряжённого с насилием – до хранения и распространения наркотиков. Нет, конечно, доблестные стражи не станут заявлять о том, что я пытался распространить наркотики среди них. Для этого дела у них всегда есть «общественность на пайке».

«Товарищи» ждут исполнения команды. Ждут с нетерпением: им уже не терпится изобличить меня... ногами. Я вынимаю руку из кармана. Демонстрировать клиентам образ

смерти у меня нет времени: объект – на линии огня. Даже – на расстоянии прицельной стрельбы. Да и хохоту в адрес своего «довода» я уже насыщался вдоволь. Это – не то повторение, которое – мать учения. Чем проще – тем лучше. В данном конкретном случае.

– Ру...

Майор не успевает продублировать свой приказ, потому что в дело вступает логия Христа: «И что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?». Не знаю, успел ли почувствовать майор – но в глазе его торчит «бревно» моего лезвия. Совсем маленьким хвостиком торчит: остальное уже «пронизывает пространство», уводя очередного клиента в прошлое.

За лимитом времени я не могу позволить его компаньонам даже оторопеть должным образом. Поэтому «выстрелы» следуют, один за другим. И один за другим валятся наземь мои клиенты в отутюженных мундирах.

Я – не Геракл по части мускулатуры и не Брюс Ли по части восточных единоборств. Но по части «заехать в глаз» – я немножко Робин Гуд. Не скажу, что подобно ему, лезвием расщеплю лезвие – но на пяти шагах промаху не дам, как говаривали в пушкинские времена! Ну, вот – талант у меня такой! Мне бы на Олимпиаде за золото бороться – а, я, понимаешь, борюсь за правду по месту жительства! Но к делу своему я отношусь профессионально – не хуже тем олимпийцев. Клиентов я уважаю «на всю десятку» – в противном

случае мне было бы гарантировано совсем иное с их стороны!

Итак, дело сделано. Любоваться натюрмортом – вот, уж, «в цвет»: «мёртвая природа»! – мне некогда. И поэтому сэкономленные мгновения я трачу, вернее, вкладываю в круговой обзор. Так, как меня некогда учили и в солдатах, и в студентах. Обзор радует желанным «наличием отсутствия»: никого в поле зрения. Надеюсь, и меня – ни в чьём поле. Возвращаю нож карману – и мысленно расплёвываюсь с клиентами. Пора заняться вопросом алиби: ведь я третий раз «даю на себя наводку».

Бросаю прощальный взгляд на иномарки. Во мне поднимается горячая волна желания. Горячая – оттого, что я желаю их всех сжечь дотла! Специфическое у меня желание. Потому что я «приветствую»... точнее, «привечаю» не только «автомобилистов», но и автомобили. Оптимизация авто вызвала бы у меня сожалений не больше, чем оптимизация их владельцев. А сожалений по поводу оптимизации владельцев у меня не больше, чем сожалений в адрес раздавленных тараканов. Даже не так: и небольшие сожаления, по большому счёту – «не из той оперы». Здесь уместнее говорить о том, что оптимизацию авто желательно рассматривать «в одном пакете» с оптимизацией их владельцев. И я так бы и делал, если бы не целый ворох «но».

С одной стороны, авто, вроде бы, и ни при чём. Но как тут не вспомнить легендарный довод Остапа Бендера:

«Тут всё дело в том, какой отец»! И здесь – так же: всё дело в том, какой автомобиль! Нормальному гражданину такой автомобиль можно увидеть... только на пешеходной дорожке по месту жительства. Такой автомобиль – эксклюзив для «хозяев жизни»! И перейдёт он по наследству к очередному «хозяину». Отсюда: отсутствие исключений для владельца исключает их для его «железного коня»! Того самого, который является, пусть невольным, но средством нарушения ПДД. Того самого, который благородным своим происхождением предназначен исключительно для нарушений.

Так, что: жалеть не о чём. В смысле: не о ком. Никого не стоит, то есть. Кроме себя: ну, вот, нет у меня времени на «дополнительные услуги». А нет его потому, что нет волшебной палочки! Одно дело: взмахнуть палочкой – и «вот она была – и нету!» И совсем другое – мир без волшебников. Особенно – в условиях жёсткого цейтнота. Да и отвлечение на внеплановый объём – это, какой-никакой, а отход от принципов. Ибо претензии мои к «железу» – опосредствованные, через «живой организм».

А я – не только не мститель, но и не луддит. Поэтому брошенный мной взгляд переполнен горечью – но мысль трезва: отходить без фейерверка! Тем паче, что меня заждались «представители алиби». Те, кому суждено предоставить мне его.

Я не мучаюсь поисками. На этот раз мне не надо ехать «за тридевять земель». Я ведь изменил параметры клиенту-

ры. Поэтому мне нужно лишь «закрепить пройденное». Закрепить» в мозгах тех, кто пойдёт по моему следу. Вернее – по тому, который я предоставляю в распоряжение.

Я знаю, куда мне идти за алиби: в места наибольшего сосредоточения «блюстителей». А где эти места? Правильно, там, где тихо и светло. Там, где законопослушный люд прогуливает себя, потомство и собачек. Наш «блюститель» – не дурак, даже будучи идиотом. Он не пойдёт туда, куда уже пошёл «элемент». Потому что там – недостаток света при избытке неприятностей. А «слуге закона» надо ещё вернуться домой, чтобы намазать на свой бюджетный кусок хлеба «внебюджетный» кусок масла, «добровольно пожертвованный благодарным населением».

И я иду в парк. Вернее, в то, что от него осталось стараниями главного архитектора и столоначальников городской магистратуры. Солнце уже начинает заваливаться за горизонт: совещание в ГУВД на тему «ещё более преданной службы народу» явно затянулось. Но «оставшиеся в живых» фонари ещё не зажглись, потому что для «времени «ч»... ещё не время. Последние ресурсы света и наличие широкой аллеи, «теоретически освещённой», позволяет бдительным стражам относительно спокойно покинуть рабочее место. Сегодня им уже удалось заработать «на масло» – и, знай они Маяковского, то законно могли бы воскликнуть: «И жизнь хороша, и жить хорошо!»

Но и задерживаться им ни к чему: солнце уже покраснело

боками – от стыда за свою несостоятельность. Поэтому они уверенно держат курс на «ещё более центральную» улицу: там, уж, их никто не обидит. А, вот им, может, посчастливится – на посошок.

Получается так, что мы с «товарищами» выходим одновременно «из пункта А и пункта Б». Наша встреча неминуема, потому что я правильно решил задачку. В части расчетов скорости. Поэтому встреча наша произойдёт в относительно укромном местечке: в каждом парке есть свой «аппендикс». Наш – не исключение. Я не стараюсь привлечь внимание стражей, но почему-то не сомневаюсь в том, что обязательно привлеку его. За это говорит мой опыт – как жизненный, так и встреч с «блюстителем».

Поэтому я не сомневаюсь и в том, что «товарищи» постараются усложнить мне задачу – а заодно и жизнь. Это не входит в мои планы, но и не мешает им. Напротив: «one more brick in the wall», как в своё время метко определили «Пинк Флойд». Ещё один камень в фундамент моей правоты и правомочности.

Мы «обнаруживаем» друг друга. Правда, я делаю это чуть раньше. Потому что мне эта встреча нужна чуть больше. Мы выходим на встречный курс – и встреча становится уже неизбежной. Я вижу, как «товарищи» «почему-то» многозначительно и даже радостно переглядываются друг с другом. Ну, что же: жду вас с нетерпением, друзья!

– Ваши документы!

Сержант исполнен служебной значительности и гражданского величия. Начало, не ахти, какое – но пойдёт. Для начала.

– Уже наступил комендантский час?

Я не шучу: я напрашиваюсь. И, кажется, мне это удаётся. ухмылка, обосновавшаяся на лице моего визави, медленно покидает его. «Блюститель» ещё не осознаёт всей чудовищности моего преступления – но уже понимает, что я – на верном пути. А он с коллегой – тем более.

Я не успеваю сгруппироваться – и получаю дубинкой по рёбрам. Как ни странно – я удовлетворён: не я «открыл огонь по штабам». Вот теперь оптимизация пойдёт за милую душу – пусть и совсем не за милой душой. «Слуги закона», тем временем, уже «вооружились ногами» с явным намерением выколлотить из меня «ещё на одну порцию масла». В целом, расчёт – верный. Если рассчитывать на среднестатистического гражданина, запуганного властью, женой и жизнью. Но на этот раз «товарищи» ошибаются в расчётах. Потому что я первый рассчитал. И это мне выколачивать... заколачивая.

Я художественно охаю – и лезу в карман. «Товарищи» радостно «потирают руки» – посредством глаз: очень, уж, они у них сияют. Но недолго им сиять: это уже – моя забота. Моя и моего маленького железного друга. Того самого, которого я извлекаю вместо желанных блюстителем купюр. Сержант даже успевает возмутиться лицом: настолько сильно его разо-

чарование тем, что я не оправдал возлагавшихся на меня ожиданий. Он явно уже собирается возложить на меня ответственность – посредством рук. А, может, и ног. Потому что я неправильно «ориентируюсь по месту». Потому что я, можно сказать, «нарушаю общественный порядок». Больше того: покушаюсь на общественные устои! Ведь это общество лишь на таких устоях и стоит! Других у него нет! А, значит, я – враг общества! Враг всего дорогого для этих людей, пусть даже это дорогое – из карманов других людей!

Работаю на опережение: меч – в виде кулака – уже занесён над моей головой. То есть, уже движется в направлении моего носа. И я наношу «ответно-встречный удар». Бах! Бах! «Товарищи» оптимизированы.

Как минимум, один из них – сержант – заслуживает того, чтобы с ним попрощаться. В индивидуальном порядке: плевком в рожу. Но я слишком высоко ценю возможности судебно-биологической экспертизы. Мне ни к чему давать «сыскарям» лишнюю зацепку. И поэтому я ограничиваюсь дружеским пинком под зад на прощание. Ничего страшного: если пыль и будет идентифицирована, то лишь как родовое понятие. Как пыль, то есть.

Осенью вечер наступает быстро. Только что светило солнце – и вот его уже всё активнее замещает бледный серп луны. Но активность его – только в работе локтями: в вопросах энергоснабжения товарищ – не конкурент дневному светилу. И это обстоятельство меня более чем устраивает. Я спокой-

но осматриваюсь по месту, спокойно фиксирую «наличие отсутствия» и спокойно же «отступаю в тыл». На сегодня я выполнил программу, хотя ничего и не программировал...

Глава шестая

Город полнится слухами, потенциальная клиентура – страхами. Эффект от всего лишь начала моей трудовой деятельности превосходит все ожидания и ожидания всех. Естественно, что каждый ожидал своего, но не каждый дождался. Это я – о клиентах: их ожидания – совсем другого рода. «Народ», определивший себя над народом, реагирует, как надо... мне: полными штанами «добра». В расчётах по их адресу я не ошибся.

Кажется, не ошибся я в расчётах и по адресу тех, кто – по моему адресу: наших доблестных сыскарей. Доблестных лишь тем, что в очередной раз демонстрируют полную непричастность к доблести. У товарищей – никаких шансов на медаль «За доблестный труд»: ни труда, ни доблести. Обычно её хватает лишь на героический отъём собственности и здоровья «подзащитных». И то – всегда по месту службы и при работе в численном большинстве. И – не как в хоккее, а как у военных: для успеха наступательной операции нужно создать трёхкратное превосходство в силах. Своей каждодневной практикой наши «стражи» доказывают, что «на войне как на войне» – это не только на войне. Пусть даже и воюют они исключительно с собственным народом.

«Ищут пожарные, ищет милиция...». По счастью, ищут не меня, а безымянного злодея без примет «о трёх голо-

вах» – а то и больше. Товарищи пошли туда, куда я их послал. И не так послал, как они «посылают» нас. Я обошёлся без посредства языка. Но это не помешало мне наставить их «на путь» – и неважно, что далеко не истинный. Как минимум, я обеспечил товарищам фронт работы, в основном – по линии сбора макулатуры.

Ну, и начальству рядовых «пинкертонов» я дал возможность проявить себя во всей красе: покрасоваться перед камерами в момент дачи указаний и заверений. Указания и заверения, хоть и предлагаются разным потребителям, ничем не отличаются друг от друга. Разве, что – глагольными формами. В первом случае используется глагол в повелительном наклонении: «принять» (меры), «установить», «обезвредить». Во втором – то же, но от первого лица во множественном числе: «примем», «установим», «обезвредим».

Пока указания и заверения «соответствуют» лишь на одну треть – по части «примем». ГУВД широко оповестило широкие же слои населения о том, что оно: а) приняло план; б) приняло меры; в) приняло обязательства. Этим «трёхголовым» принятием дело и ограничилось. Дальше оно идти не хотело, как ни подталкивало его начальство. Дело встало, потому что «зависло».

Я, конечно, не снимаю с себя вины за этот плачевный результат: не дал наводки, не «засветился». Но и «пинкертоны» хороши: очень плохи. Оперативно упершись в стену, оперативники тут же двинули «проторенной дорожкой»: вместо

работы по делу занялись работой с делом. Уже через неделю от моего «второго пришествия» доблестное ГУВД смогло предъявить общественности первые результаты своей многотрудной деятельности: первый и очень пухлый том. Конечно, оно могло предъявить и другие результаты своей деятельности – и тоже пухлые: опухшие физиономии «разрабатываемых лиц», но не стало делать этого. И не из гуманности, а по техническим соображениям: опухшие физиономии не помещались в экран. Да и результат был только на лице, а не налицо: лица «лиц» претерпели без пользы для дела. Как для дела истины, так и для конкретного уголовного. Претерпели, как элементы очередной несостоятельной версии.

Но не зря ещё Михайло Ломоносов говаривал: «Сколько чего в одном месте убавится – столько в другом прибавится». Несостоятельность «правоохранителей» – наглядное доказательство моей состоятельности. Хотя бы – состоятельности принятых мною мер в обеспечение непринятия мер в отношении меня. Непринятия действенных мер – посредством принятия бездейственных – тех, что не для дела, а для «дела».

Но «почивать на лаврах» – последнее дело. Потому что – безделье. Потому что в моём понимании день – это рабочий день. А когда, верный установке «заботиться о своём», день так и делает: озадачивает и нагружает, то почивать – и вовсе безнравственно! Потому что «труба зовёт»! Пусть даже – та самая, которая – «труба»! Им – «труба»!

И я «не могу иначе». В очередной раз не могу. Нет, я, конечно, смог бы – да день не позволяет. Тот самый, который «заботится о своём». Потому что заботится он, хоть и о своём, но исключительно для меня. По части сочинения забот и возложения грузов. Я никому ничего не должен... кроме себя. Ну, и того дня, который «заботится». Поэтому: «дан приказ...». И, верный себе, я себе же и отвечаю: «Есть!»

«Озаботиться» дню – на мою голову и на свою задницу – помогают «все из списка». Несмотря на благотворное влияние страха и редких мыслей не о кармане, потенциальная клиентура вскоре начинает баюкать себя тем, что всё это – не про них. Мне эти лозунги хорошо известны. «Кто угодно – только не я!». «Этого не может быть, потому что не может быть никогда!» «Уж, меня-то – никаким боком! А, если и боком, то я – бочком, бочком!»

Но товарищи заблуждаются. Потому что баюкают себя, а не опровергают меня. Именно баюкают, а не доказывают. Не доказывают своей непричастности и неуязвимости. А я ведь уже иду. И не только по их следу, но и по их души! По их заблудшие души, которые мне надо вывести... нет, не к свету: на дорогу, ведущую прямоком в ад! Другого пути они не заслужили! Я не согласовывал этот вопрос с Князем мира сего, но думаю, что он одобрит мою линию: и линию поведения, и ту, которую я провёл для клиентов – и среди них. По совокупности заслуг моя клиентура – Его клиентура. Я не хочу сказать, что подрядился, но думаю, что и Господь

на меня – не в претензии. Ведь я избавляю Его как от забот, так и от балласта.

Увы: клиенты не только баюкают себя, но и возвращаются на стези несправедливые: на пешеходные дорожки и к несправедливому бытию. Они вновь начинают водружать себе на голову венец «хозяев жизни». А под «венiec» – и хомут на шею. Но – уже нам. Это – не просто рецидив. Это – вызов. Вызов всем нам. Но, главное: это – вызов лично мне! «Всё возвращается на круги своя»? Ну, что ж, если это – так, то и я «иду по кругу»! А заодно – вразнос и по их души! Не хотите по-плохому – по-хорошему будет ещё хуже! Может, хоть на этот раз установка «повторение – мать учения» докажет себя на практике!

К сожалению – а, может, и наоборот – в планы работ приходится вносить коррективы. У меня не всегда есть возможность отработать клиента сразу же на месте его становления клиентом. То есть, как только я обнаружу факт нарушения ПДД. Причин – множество: сверхлимитное оживление на улице, непропорциональный объём работ, неравные силы, избыток света и так далее. Я ведь – не волшебник: «я только учусь». И это только в сказке что-то, там, помогает творить настоящие чудеса. В жизни я – солист.

По вопросу сотворения чудес. А, поскольку у меня нет волшебной палочки, с которой и дурак сдаст экзамен на волшебника, мне приходится учитывать каждый составной элемент «чуда». Прежде всего – реалии. В таком контексте:

«способен ли я? Сумею ли?»

Именно поэтому очень часто не сразу «выхожу один я на дорогу». Бывают случаи, когда «выходить» – что искать приключения. И не те, без которых – никак: на свою задницу. Поэтому, обнаружив нарушителя, я уже не хватаюсь за оружие производства. Вместо этого я «переключаюсь на бухгалтерию»: запоминаю номера авто. Ну, и – по возможности – реквизиты водителя и количество звёзд на погонах. Это – не просто запоминание. Это – зачисление в кондуит. Больше того: производство «товарища» в клиенты, только отложенное исполнением.

Ну, а потом начинается рутина. Это мне знакомо – и не по книжкам и фильмам. Я ведь когда-то не просто «выпал из обоймы»: из этой самой. Поэтому мне известные все дорожки, «ведущие в Рим»: бывшие коллеги, газеты, Интернет, телевидение, а больше – собственные ноги и глаза.

В нашем деле лень обходится дороже всего. Потому что – себе дороже. И поэтому я не ленюсь. Но и не «свечусь» без необходимости. Да и при необходимости не «свечусь»: «мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь».

«Никто не забыт – и ничто не забыто». И я доказываю справедливость этого постулата каждый день. И не только доказываю, то есть, нахожусь в процессе – но и доказываю (как результат)! В итоге, ещё никто не забыт за то, что не должно быть забыто. Мне остаётся лишь следовать установке: «вспомним всех поимённо». Уже – в контексте:

«вспомним так, чтобы уже не забыли!». И я вспоминаю «товарищей»...

В нашем деле главное – информация. Это уже потом – расчёты, планы, рекогносцировка, привязка к месту. Без информации нет ни того, ни другого, ни третьего. Поэтому, моя первейшая задача: не ошибиться. Нет, не в выборе цели: с этим, как раз, проблем нет. Все мои избранники – избранники по праву и по обязанности. По праву – ибо они заработали это право. По обязанности – потому что я обязан уважить его (право). Наглядное воплощение другой установки: без прав нет обязанностей, как нет обязанностей без прав. Мы с «товарищами» должны соответствовать условиям задачи – и я делаю для этого всё, что только зависит от меня. И не только за себя, но и «за того парня»: визави с большой охотой... не торопятся соответствовать.

Поэтому к сбору информации я отношусь со всем нашим уважением: никакого пренебрежения, никакого верхоглядства, никаких «допусков плюс-минус». В итоге, мой клиент – это действительно мой клиент. Я знаю о нём всё. Всё, что мне надо для его оптимизации: время приезда, время отъезда, контакты, режим, сопровождающие, характер сопровождения, технические препятствия. И, поскольку мне известны все препятствия, «нам нет преград ни в море, ни на суше».

Но и отсутствие препятствий не мешает возникновению проблем. Главная – не «как?», а «где?». Потому что именно ответ на вопрос «где?» либо усложняет, либо упрощает от-

вет на вопрос «как?». Я ведь не могу устроить «коллективный налёт одиночку». И «шахидом» я работать тоже не могу: надо поберечь себя для других товарищей, которые, в таком случае, окажутся незаслуженно обойдёнными заслуженным вниманием. Соображать же надо!

Поэтому в каждом отдельном случае я работаю индивидуально. Приходится учитывать все «входящие», «исходящие» и даже «привходящие»: наличие «во дворе злой собаки», наличие аппаратуры слежения, наличие маленьких буржуинов в доме. Они, хоть и буржуины, а маленькие. Природная интеллигентность не позволит мне отработать папеньку-негодя на глазах сына, пусть уже и безнадёжно испорченного, но всё же маленького! Значит, надо соответствовать «вновь открывшимся обстоятельствам»!

И я соответствую. Так, если в доме есть собака или сынок, я стараюсь оптимизировать домовладельца за пределами его владения. Я, конечно, стараюсь работать точно и даже индивидуально – но «невозможно жить в обществе – и быть свободным от него», как сказал основоположник марксизма. Иногда это общество бестактно навязывает мне «своё общество». И я не могу попросить товарищей оставить нас наедине: ведь не оставлять наедине – это их единственная обязанность. За это им деньги платят: они – «преторианская гвардия» каждого «хозяина жизни».

Как материалист и сторонник закона единства и борьбы противоположностей, я не скажу, что это лишь усложняет за-

дачу: и упрощает – тоже. Оптимизация верного пса хозяина для меня – дело немыслимое. А, вот, оптимизация «верных псов» его – святое! Для человека духа нет большего удовольствия, чем расчищать дорогу к прогрессу, зачищая её вместе со всеми препятствиями, как стоящими, так и лежащими на пути! Эти люди стоят у меня на пути. На пути к благородной цели: неблагородному подонку. И, разве – не благородное дело: устранить это препятствие?! По-моему, даже вопрос – излишен. Потому что эта конструкция возможна только в утвердительном варианте – и без всяких «не»!

Скажу сразу: «ох, нелёгкая это работа»! Убеждён: «из болота тащить бегемота» – много легче, чем воздавать в условиях, максимально приближенных к боевым. В условиях, когда все стратегические преимущества – на стороне клиента. Все, кроме одного: моей решимости довести это благородное дело до конца. До конца моего клиента.

«Через тернии» – не только к звёздам, но и к трупам. А создавать тернии эта публика умеет и любит. «Хозяева жизни» настолько «уверены» в своей безопасности, что даже в туалет ходят строем. В каре из телохранителей. И хоть «нам нет преград», и хоть «нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики» – а это усложняет задачу и отдаляет миг торжества справедливости.

Конечно, можно не ломать голову себе – а сломать её другим. Тем же телохранителям. Если они позволяют. Увы, но приходится считаться не только со своим желанием,

но и с нежеланием клиентов. Особенно, если это желание подкреплено хоть толикой профессионализма. В таких случаях я поневоле обязан учитывать железобетонный довод «всех не перестреляешь!». Да и мы, интеллектуалы, с пулемётом не работаем: «это – не наш метод»!» Как говорится, «где – человек человеку?». Какие же мы после этого интеллигенты?! Наш метод – точечный удар, и только – по заслуженным головам. Точнее: по заслужившим. Значит, для работы у меня остаются лишь места... общественного пользования. И места – лишь в тех местах, в которых место – лишь «хозяевам жизни»!

Согласен: неэстетично. Я бы и сам предпочёл будуар писуару. Но лишь там возможно реализовать установку «Только раз бывает в жизни встреча, только раз струною рвётся нить...». Других возможностей «хозяева жизни» мне не оставляют.

Приходится в очередной раз соответствовать, чтобы проникнуть в святая святых бизнеса: закрытые клубы и рестораны. На то, чтобы проникнуть через парадный вход, у меня не хватит ресурсов. Я ведь приватизирую не имущество, а души. В костюмах «с оптовки» меня и до крыльца не допустят. Ну, разве – для того, чтобы спустить с крыльца.

А, вот, на обслуживающий персонал я вполне тяну. Нет, не на обслугу в зале: нет должной гибкости стана и лицевых мышц. Ну, вот, не могу я прогибаться и лыбиться. И надо бы – а не могу. Поэтому вершина услуги для меня – её

низина. Я говорю о сантехниках и уборщиках. До уборщика я ещё не упал – а, вот, до сантехника уже поднялся! Могу соответствовать – и не только оснащением! К техническим причиндалам я могу приложить определённые навыки. Я ведь не «хозяин жизни»: я – всего лишь хозяин квартиры. А, значит – обязан уметь починить кран, подтянуть гайки, заменить трубы. Так, что, если меня окунуть в... нет: всего лишь в машинное масло, я вполне ещё очень даже... сантехник! Или – слесарь-ассенизатор. Главное – чтобы от меня за версту пахло специальностью.

Вот и сегодня я – сантехник. Излишне говорить, что засор я сам же и устроил: пришлось навестить ближайший коллектор. Я ведь не могу засорить его «с парадного входа»: из закрытого помещения «закрытого» клуба. Туда допускается лишь «высочайшее» дерьмо «высочайших» лиц. Поэтому и на дело я иду не с парадного крыльца, а с заднего хода. Мой «сантехнический вид» в условиях надвигающейся угрозы фекализации заведения вызывает не только доверие, но и всеобщий энтузиазм. О каком, тут, истребовании паспорта может идти речь: все мои реквизиты – на физиономии, перемазанной и благоухающей отнюдь не французским одеколоном!

Во мне трудно опознать конкретную личность – зато не составляет труда опознать хрестоматийного сантехника. Поэтому я без труда получаю допуск во все «протекающие» и «грозящие протечь» помещения. Я почти квалифициро-

ванно имитирую кипучую деятельность на подступах к туалету, а дальше уже – «дело техники». И на этот раз: не сантехники.

Я не сомневаюсь, что по заведённой привычке, давно уже ставшей традицией, мой клиент первым делом навестит «заведение для мужчин». Пить сегодня предстоит много – а, значит, надо «освободить местечко». Охрана сопровождает «подзащитного» до самых дверей. И не до дверей туалета: до двери кабинки. Я заранее успеваю «предъявить паспорт» «в лице» благоухающей канализацией спецовки, а также слесарного набора из чемоданчика и проволочного «ерша». Поэтому моё присутствие, оживляемое длинными заковыристыми пожеланиями «засранцам, уделавшим туалет», не вызывает никаких вопросов. Тем более что разводным ключом я стучу по трубам не хуже профессионала. Проверяя соседние кабинки, товарищи убеждаются в том, что это – всего лишь я, и милостиво разрешают мне продолжить «копаться в дерьме».

«Подзащитный» – он же клиент – осваивается на стульчаке в кабинке по соседству. Он, конечно, предпочитает дистанцироваться от пролетария – да некуда: все остальные места «исключены из списка». Лично мной: это я «вывел их из обращения», «удобрив» и «освежив». Они не готовы к работе с клиентами – зато готовы к работе с клиентом. Точнее, обеспечивают мне возможность такой работы. В таком деле, как наше, полагаться на случай – что головой на плаху!

Во всяком случае, я полагаюсь лишь на такой случай, который сам же и подготовил, сам же сдал и принял в эксплуатацию. Мой клиент должен был зайти именно в заготовленное для него место – и он зашёл туда. Мы с ним должны были стать добрыми соседями – пусть и ненадолго. И мы стали ими.

Небольшая справка. На тему «мальчики кровавые в глазах». Так, вот: никаких «мальчиков»! За перегородкой кряхтит и тужится заслуженный деятель всяких дел и делишек, народный борец с народом, заслуженный мастер грехов всякой масти и почётный донор «в обратную сторону». Кровопивец, одним словом. На него уже покушались – но исключительно с негодными средствами в виде жалоб и доносов. Несмотря на всю их убедительность, проверяющих они не убедили. Потому что «а судьи кто?!». Глупый народ: «караси предали щуку суду щук»! Да, и потом: такого мортирой не прошибёшь – не то, что бумажками. Ну, разве что – моим ножичком.

Поэтому насчёт спокойствия я могу не беспокоиться: за меня уже побеспокоился клиент. И, как только он кряхтит, я «открываю окошко». Маленькое, такое, кругленькое. Как «глазок». Открываю я его с лёгким скрипом, услышать который может только клиент. Мне нужна площадь «обстрела». Когда удивлённо-настороженный глаз клиента совмещается с дыркой и «выходит на линию огня», я «спускаю затвор». «Товарищ» хрюкает – и «крякает». Из-за двери это

наверняка воспринимается как очередная потуга.

Убеждаюсь в надлежащем положении клиента, матерюсь напоследок – «по-нашему, по-слесарному» – и выхожу из кабинки.

– Тут ещё – на день работы! – решительно «нападаю» я на телохранителей, попутно домогаясь сочувствия и понимания. Ибо сказано: «важно уметь войти в разговор – но куда важнее уметь из него выйти!». Я выхожу – и не только из разговора, но и победителем. Потому что ещё в детстве усвоил другую полезную истину: «одолеть наглеца можно лишь одним способом: ещё большей наглостью». Я беру их нахрапом – вместе с их инициативой. Попутно я домогаюсь того, чего вымогал: подобия сочувствия. Растерявшись, «слуги хозяина» понимающе кивают мне бритыми головами. Их высокомерие беззащитно против моей наглости.

По рабоче-крестьянски сплёвываю на пол, обдаю надушенных «холопов» ароматом канализации – и был таков. Таков, каков и был: «никаков». Инкогнито в камуфляже. Даже самый бдительный страж может теперь «сконструировать» лишь среднестатистический «фоторобот» среднестатистического сантехника: «без лица», чумазый, с «беломориной» в зубах, в промасленном берете и таких же усах. Особые приметы: невыносимая канализационная вонь. Других примет нет».

Я спокойно направляюсь в подсобку, зная, что холопы не потревожат хозяина. А не то хозяин потревожит чубы хо-

лопов: так полагается не только в литературе, но и в жизни. Из подсобки – выход во двор, за которым начинается лес домов. Быстренько скидываю камуфляж, под которым у меня – «адидасовский» костюм, стягиваю «кирзачи», замещаю их кроссовками, «сбрасываю» усы, стираю грим – и на воздух!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.